

Сердоболь

2 квартал/2008г.

ГОРОДСКОЙ АЛЬМАНАХ * KAUPUNGIN ALMANAKKA

crime / punishment

социальная реклама: плакат художника А. Фалдина (С-Пб) «Преступление / наказание» 2004 г. (www.faldin.ru)

ГОРОДСКОЙ Сердоболь АЛЬМАНАХ

Редколлегия

Игорь Борисов
Лейла Берая
Светлана Григорьева
Валентина Кирьянова
Раиса Мустонен
Виталий Рыстов
Владимир Судаков

Координаты

Республика Карелия
Г. Сортавала, 186790
ул. Карельская, Д.19
а/я 13
тел. +7 (921) 604-09-61
serdobol-almanah@yandex.ru

N.B

Мнения авторов могут
не всегда совпадать
с позицией редакции

P.S

Изготовление и размещение
рекламы по № 8(921)6040961

Альманах выходит ежеквартально
тираж 999 экз.

ТЕМА

Городская идея, (или план Варьи)

4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Уно Вернер Улберг

8

ОБИТАТЕЛИ

Беллетрист

15

Реставратор

22

Стихотворец

24

животное

27

ОКРЕСТНОСТИ

Рускеала

32

АРХИВ

Воспоминание о будущем

39

ОБЪЕКТ

Кафельная печь

45

РАЗНОЕ

48

TIIVISTELMÄ

51

Городская идея или ПланВарьи

Варья Валерий Альбертович родился 29 августа 1953 г. в пос. Харлу Питкярантского р-на Карельской АССР в семье служащих. После школы закончил Техникум советской торговли, затем, в 1981 г., Петрозаводский университет. Работал старшим экономистом по сбыту птицевосхоза «Приладожский». В 1984 г. – председатель Сортавальского горпо. В 1986 г. избран первым заместителем председателя исполкома городского Совета, а с 1990 г. – председатель исполкома Горсовета. 1 декабря 1991 г. назначен главой местного самоуправления г. Сортавала. Впоследствии дважды, в 1994 и 1998 гг. избирался главой местного самоуправления г. Сортавала.

На протяжении ряда лет в общественно-политической жизни государства безуспешно подыскивается “национальная идея” для нашей страны. Нам кажется, она найдена давно, одним из персонажей Достоевского, и сводится к тому, что русский человек слишком широк и его необходимо сузить. Т. е. сделать его более способным к самоорганизации и научить обустривать свою жизнь в, может быть, скучноватой каждодневной работе, без особых терзаний о смысле жизни и поисков ответов на извечные вопросы “кто виноват” и “что делать”.

На местах данная национальная идея может быть конкретизирована, и применительно к нашему городу звучать примерно так: “Нынешнее поколение сортавальских людей будет жить в исторически сохраненном и обустроенном городе”. Обустроенном так, как обустроены сегодня небольшие городки и селения наших западных соседей, в каких-то 70 км от нас.

В конце этой зимы экс-глава Сортавальского Горсовета, Валерий Альбертович Варья обратился к губернатору Карелии С.Л. Катанандову с проектом **«Республиканской программы восстановления архитектурно-исторического облика города Сортавала»**. Суть высказанных предложений мы приводим ниже с некоторыми сокращениями:

«1. Создание попечительского или наблюдательного совета. Совет должны возглавить С.Л. Катанандов или П.В. Чернов, премьер-министр карельского правительства. В совет должны входить: министерство строительства, министерство культуры, государственный центр охраны памятников, министерство финансов, управление капитального строительства, проектные организации, государственный комитет по туризму, государственный комитет по реформированию ЖКХ, органы муниципальной власти Сортавальского муниципального района и Сортавальского городского поселения;

2. Для работы программы необходим заказчик. Таковым может стать небольшая муниципальная структура в составе 3-4 должностных лиц.

3. Подрядчики. В качестве подрядчиков может традиционно выступить Сортавальское РСУ. Кроме того в составе ПМК-117 может быть создан ремонтно-реставрационный участок. Наконец, реставрационные мастерские (Ю.С. Тойкко).

4. В структуре Сортавальского городского или районного муниципалитета должна быть должность главного архитектора. Кроме того, в Сортавала должен работать представитель госцентра по охране памятников.

5. Финансирование.

Использование средств федерального бюджета, выделяемых на ремонт, расселение ветхого и аварийного жилья. Жилые здания-памятники должны не ремонтироваться, а реставрироваться.

5.1. Средства Республики Карелия.

– предусматривать целевые средства в бюджете;

– предусматривать целевые средства в бюджетах министерств и ведомств, имеющих на балансе здания, расположенные в Сортавала;

– средства от сдачи в аренду зданий и помещений (памятников), получаемые в Сортавала, направлять целевым назначением на финансирование программы;

– содействие и воздействие по линии Правительства РК на собственников зданий-памятников, расположенных в городе, с тем, чтобы эти здания реставрировались и приводились в порядок.

5.2. Муниципальные средства.

– предусмотреть средства на содержание и реставрацию памятников в бюджетах городского поселения и муниципального района;

– через создание некоммерческой организации все средства от сдачи в аренду нежилых помещений и земельных участков направить на реставрацию;

– совместно с управляющими компаниями все средства, собираемые с населения в части платежей на ремонты, направлять на названные цели;

6. Установить контроль над строительством и ремонтами, производящимися в городе, вне зависимости от того, является ли ремонтируемый объект памятником. В обязательном порядке

согласовывать цвет, кровлю, ограждения, размеры. Проводить борьбу с самостроем.

7. Психология.

После начала работ по программе люди, руководители начнут вкладывать и собственные деньги для приведения в порядок собственных домов и зданий. Сработает принцип: «а я не хуже соседа».

8. Инвестиции.

Сортавала – исторический город Карелии. Статус присвоен на уровне России. В Российской Федерации работают несколько программ и проектов по данной тематике. Необходимо участвовать в этих программах и проектах. С помощью Правительства Карелии выходить на Министерство экономического развития РФ и другие министерства Федерации. Это – дополнительный источник денег.

Финны постоянно проявляют интерес к состоянию памятников. Они готовы предоставить всю проектную документацию по каждому зданию; через различные международные программы и проекты могут финансировать реставрацию; через обучающие проекты – готовить специалистов-реставраторов. Наконец, реально работать на объектах и поставлять материалы.

10. Сроки работы программы – 10 лет.

Что получит город, если программа будет выполнена? Основное социально-экономическое направление развития Сортавала определено – туризм, отдых, сфера услуг.

Чистая северо-западная часть Ладоги, Валаам, природный парк «Ладожские шхеры», хорошая экология, близость границы, - все это востребовано уже сегодня. И не только иностранцами, но и жителями Москвы, Петербурга, других регионов России. А через 10 лет и жители Карелии (других районов) будут приезжать сюда на отдых. И это – не фантастика. Так было до 1939 года».

*Впервые опубликовано
в общественно-политической газете
«Сортавальский Полиграф», №6*

Валерий Альбертович Варья в интервью журналу «Сердоболь» более полно раскрыл свои мысли и переживания о судьбе любимого города

- Что подвигло Вас на создание проекта «Республиканской программы восстановления архитектурно-исторического облика города Сортавала»?

- Я адресовал это обращение Губернатору Карелии в феврале месяце, во время его визита в наш город. Нам удалось пообщаться лично. В качестве основной цели я ставил перед собой - обратить внимание Сергея Леонидовича на то, чтобы он дал соответствующее распоряжение и Правительству РК, и органам местного самоуправления города Сортавала по подготовке программ под названием «Сохранение историко-культурного и архитектурного наследия Сортавала». Так как я давно уже для себя решил, что есть такие красивые знаковые места от Бога как Сортавала, есть остров Валаам - это тоже божья обитель.

- На ваш взгляд: какая судьба может ожидать Сортавала в ближайшие годы?

- Живописные Ладожские шхеры, великолепная экология, безграничные возможности для активного отдыха, познавательного туризма, архитектурные шедевры, множество памятников истории и природы будут бесконечно прельщать путников в наши края, как это было в довоенные годы. Отдельно хотелось бы отметить творчество нашего земляка, Народного художника РФ Кронида Александровича Гоголева. Всем этим бесценным богатством надо дорожить.

Многие годы наш край переживал трудные времена. Сейчас я говорю не только о постперестроечном периоде, наиболее живо рисующемся в памяти, но и о послевоенных годах, и о достаточно сложных для всей страны 60-х. Оставшийся отпечаток прошлого наиболее виден на нашем архитектурном наследии. Хотя многие здания достойно выглядят и сегодня, т.к. они были воздвигнуты с очень хорошим запасом прочности. Но всегда наступает время собирать камни - пришла пора для того, чтобы проводить ремонтные и реставрационные работы существующих строений.

Здесь бы хотелось напомнить, что в Республике Карелия три города имеют статус исторических: Кемь, Олонец и Сортавала. Эти звания присвоены на уровне Российской Федерации, что также накладывает определенные обязательства на нас - граждан города, муниципалитеты, республиканские и федеративные власти. Ведь из всех памятников, которые находятся в Республике, две трети расположены на территории Сортавальского района.

- Какие еще приоритеты в ваших глазах имеет Сортавальский район?

- Наверное, имеет значение и то, что Сортавала является приграничной зоной. Порядка миллиона человек ежегодно пересекают государственную границу, минуя пункт пропуска Вяртсиля. Многие из них заезжают по пути Голубой дороги к нам. И, следовательно, наш город должен быть некой визитной карточкой не только Карелии, но и страны в целом. Вот эти моменты и легли в основу моего обращения.

- Как не дать потерять городу свое лицо?

- Во время нашей встречи, я подарил Сергею Леонидовичу две книги. Это «История архитектуры г. Сортавала», которая была издана в середине 90-х, и вторая - это книга, которая в прошлом году была выпущена в Финляндии.

Сортавала, с фотографии нач. 20 века.

Уно Вернер Улберг

Город Сортавала называют «малой архитектурной энциклопедией Финляндии». Здесь сохранилось много красивых зданий, построенных финскими архитекторами в период с 1890-х до 1930-х годов. Среди каменных построек Сортавала особенно выделяются здания, возведенные по проектам талантливого архитектора Уно Вернера Улберга.

Архитектор Уно Вернер Улберг (эта фамилия в русских текстах транскрибируется ещё и так: Ульберг, Уллберг) родился в 1879 году в городе Выборге. В 1898 году он окончил Выборгский шведский лицей, в 1903 году – Финское политехническое училище (в Выборге), получив специальность архитектора. Несколько раз Улберг совершал учебные поездки в страны Западной и Северной Европы и в Россию для изучения архитектурных стилей.

В 1906 году У.В. Улберг и А. Гюльден основали в Выборге архитектурное бюро «Гюльден-Улберг», и занялись подготовкой проектов зданий для богатых фирм.

В 1908 году по проекту У.В. Улберга и А. Гюльдена в Выборге, на Северном валу, был построен деловой и жилой дом крупной торговой фирмы «Хакман и К0», известной с 1816 года. Это здание выполнено в стиле финского национального романтизма (неоромантизма) и богато украшено природным камнем. Здание фирмы «Хакман и К0» принесло начинающему архитектору широкую известность в Финляндии. Позже У.В. Улберг основал свое архитектурное бюро и руководил им всю жизнь.

В 1911-1915 годах Улбергом в Выборге были построены в стиле неоромантизма ещё несколько зданий: Финский коммерческий банк, магазин купца Сельгрена и жилой дом АО «Карелия».

1913-1915 годы были наиболее плодотворными в жизни архитектора. Именно в это время по проектам У.В. Улберга в городе Сортавала было построено три уникальных здания - Объединенный Банк Северных Стран, Торговый дом фирмы «Юхтион Раутта» и Финляндский Банк, придавших городу особый колорит и привлекательность.

Здание Объединенного банка Северных Стран (современный почтамт, ул. Карельская) было построено летом 1913 года по заказу сортавальских филиалов Объединенного Финского Банка и Акционерного Банка Северных Стран, действовавших в Сортавала соответственно с 1877 и 1894 годов. Строительными работами руководил сортавальский строительный мастер К.Ф. Пуоламяки. В 1919 году в результате слияния двух банков был образован Объединенный Банк Северных Стран, и в новом здании разместился филиал банка – операционный зал, рабочие и жилые помещения, а также, книжный магазин.

Архитектор У.В. Улберг выполнил здание в стиле

финского национального романтизма со всеми присущими этому стилю чертами. Со стороны «главного фасада», выходящего на улицу Карельскую, эта постройка напоминает средневековый замок. Это впечатление создается расположенными на флангах «замка» двумя четырехгранными эркерами в форме полубашенок, завершенными шатрами, и применением в облицовке цокольного этажа гранита серой окраски. Приподнятое, романтическое, настроение сооружению придает высокая черепичная крыша, шатры полубашенок со шпильями и другие архитектурные элементы.

Нижняя часть «главного» фасада здания богато украшена светло-серым, с синеватым оттенком сердобольским гранитом, добытым в каменоломнях у деревни Нукутталаhti, на северо-западном берегу острова Риеккалансаари, всего в 4 километрах от центра города. По самому низу здания из гранитных блоков, обработанных в «мелкоточечной» и «бороздчатой» фактурах, выложен узкий цокольный пояс, слегка выступающий над плоскостью стен. Выше пояса цокольный этаж облицован небольшими квадратами гранита, обработанными в «мелкобугристой» фактуре. Из того же гранита гладко вытесаны подоконные доски больших арочных окон.

Главный вход в здание, расположенный на его левом фланге, напоминает арочные галереи средневековых ратуш. По бокам входа под арку установлены два больших четырехгранных столба,

вытесанных из сердобольского гранита с острова Риеккалансаари. Поверхность столбов обработана в «бугристо-бороздчатой» фактуре. Базы столбов – тоже гранитные. Капителей нет, арка непосредственно опирается на столбы.

В верхней части колонны укреплен картуш – своеобразный архитектурный элемент в виде полуразвернутого свитка с вензелями банка и «рогами изобилия», наполненными фруктами.

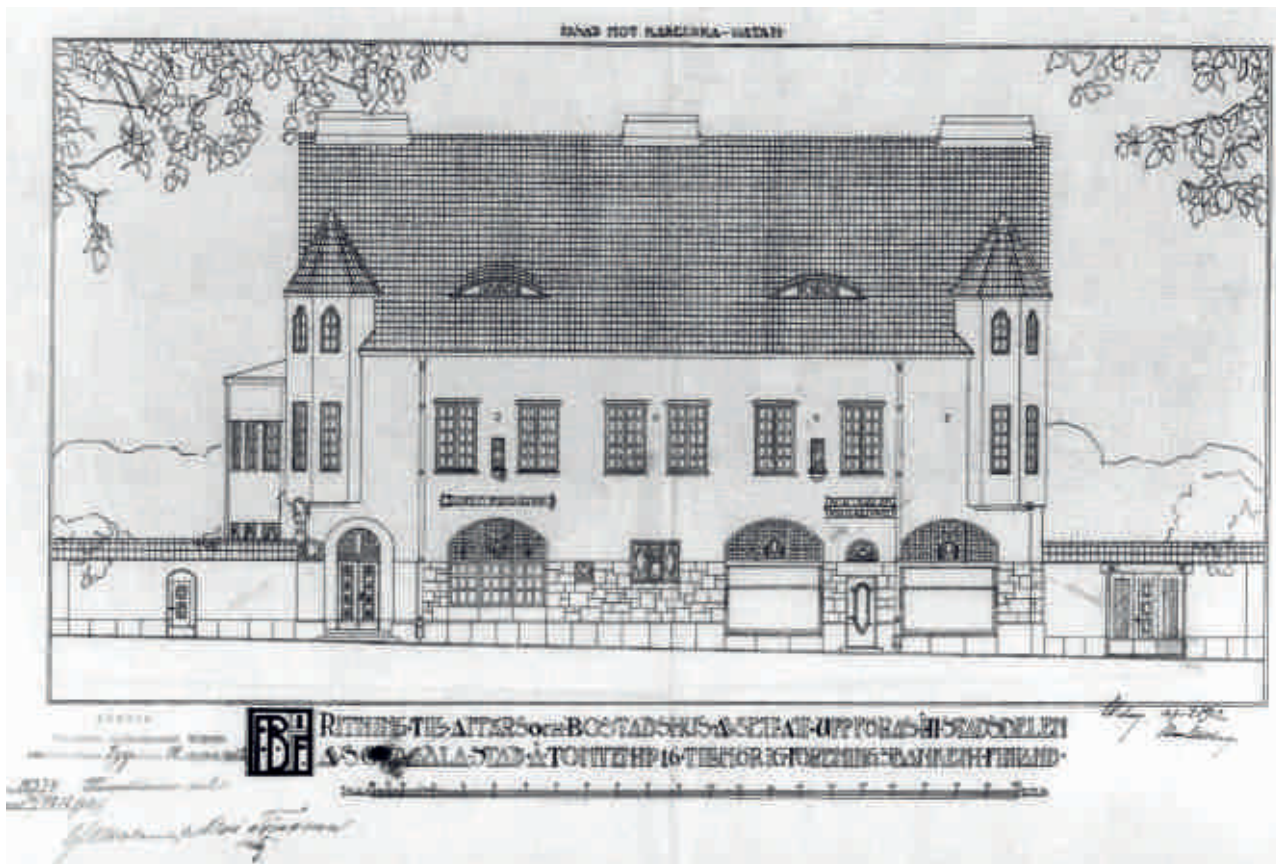
Все элементы картуша вырезаны из зеленовато-серого очень мягкого талько-хлоритового сланца («горшечного камня»), добытого в каменоломне Нуннанлахти на южном берегу озера Пиелинен в Юго-Восточной Финляндии. Это месторождение стало разрабатываться с 1893 года, когда была основана фирма «Виотеп Вио1икм Оу». Уже к концу XIX века горшечный камень из Нуннанлахти широко применялся в облицовке фасадов петербургских зданий, строившихся в стиле «северный модерн».

Стены здания бывшего банка выше гранитной облицовки выполнены из кирпича и оштукатурены «под гранит». Для этого использован известковый раствор с наполнителем из молотого белого кварца и черного кааламского габбро.

Внутренние помещения бывшего банка частично сохранили свой изначальный облик. Поражают красотой изумрудно-зеленые и белые изразцовые печи. Особое романтическое настроение придают: лепной растительный орнамент стен, пластичная лестница, ступени которой отлиты из раствора с наполнителем из мраморной крошки, а площадки облицованы темно-голубыми и белыми фигурными керамическими плитками, ромбической формы окошки с цветной расстекловкой.

Через 12 лет, в 1925 году У. В. Улберг в общих, весьма упрощенных чертах повторил силуэт сортавальского Объединённого банка Северных стран в одноимённой постройке в городе Кякисалми (Приозерске). Здесь нет богатого каменного декора и той привлекательности, характерной для ушедшего в прошлое стиля неоромантизм.

Копия чертежа главного фасада банка (1912 год)

Современный вид построек Улберга (Сортавала, 2008 год)

Летом 1915 года в городе Сортавала, на улице Карельской, в 200 метрах от Объединенного Банка Северных Стран, по проекту У.В. Улберга было построено здание Торгового дома фирмы «Юхтион Раутта» (ныне в нем размещаются коммерческий банк и редакция газеты «Ладога»).

Строительными работами руководили сортавальские мастера К.Ф. Пуоламяки и Юхо Хартикайнен. Заказчиком выступило Сортавальское акционерное общество по торговле железными и строительными материалами, основанное в городе в 1897 году. В здании разместились: магазин по торговле железными и строительными материалами, склады и двенадцать жилых помещений.

Торговый дом Улберг построил в «сложном» стиле, в котором гармонично сочетаются противоположные друг другу направления модерна – ослабляющий свои позиции неоромантизм и наступающий неоклассицизм.

«Главный» фасад здания, выходящий на улицу Карельская, имеет асимметричную композицию со смещенным на левый фланг главным входом, что было характерно для неоромантизма.

О приверженности архитектора к угасающим неоромантическим традициям также свидетельствуют два боковых эркера на втором этаже, богато украшенных лепным орнаментом «под гранит». Но три окна между эркерами оформлены лепными фронтонами, формы которых заимствованы из классической архитектуры.

Черты неоклассицизма наиболее сильно проявляются в силуэтах пилястр и полуколонн упрощенных форм ордерной архитектуры, украшающих цокольный этаж, в симметричном расположении окон «главного» фасада, широком лепном карнизе, венчающем здание.

Очень красиво выглядит цокольный этаж здания, декорированный темно-красными плагиомикроклиновыми гранитами и гнейсо-гранитами, добытыми в каменоломнях на северном берегу залива Кирьявалахти, в 15 километрах от города Сортавала. В простенках арочных окон и по краям дверных проемов установлены мощные прямоугольные пилястры и восьмигранные полуколонны, вытесанные из гранитных монолитов. Из того же «кирьявалахтинского» гранита выполнены базы и капители простых форм, ступени невысоких лестниц и цокольный пояс по периметру всего здания. Фактура лицевой поверхности камня во всех архитектурных элементах «мелкобугристая» или «крупноточечная». Крайняя пилястра, украшающая главный вход в здание, с торца обработана в фактуре «скала», что позволяет разглядеть особенности строения камня.

Примечательны фигурные фронтоны дверей, украшенные лепным орнаментом «под гранит» с изображениями символов (молоток, топор и др.), отражающих род деятельности владельцев здания. Стены постройки выше цокольного этажа со стороны «главного» фасада и на всю высоту – с торцов и двора, оштукатурены, но сейчас потеряли свою первоначальную привлекательность.

Со стороны двора Торговый дом смотрится иначе. Особенностью этой части здания являются ризалиты, эркеры, асимметрично расположенные окна. Один из входов со двора выделен широкой лестницей, выложенной из плит «кирьявалахтинского» гранита.

Войдя во внутрь здания, мы увидим хорошо сохранившиеся пластичные лестницы, ступени которых отлиты из раствора с заполнителем из мраморной крошки, и, конечно же, красивые изразцовые печи.

Фронтон бокового входа

Боковой эркер второго этажа здания

Один из фронтонов центрального входа

Летом 1915 года в Сортавала, на краю «Треугольной» площади (ул. Вяйнемейнена), по проекту Уно Вернера Улберга мастером К.Ф. Пуоламяки было построено еще одно великолепное здание, в котором разместился Сортавальский филиал Государственного Центрального Банка Финляндии (Финляндский Банк). В настоящее время здесь находится филиал Центрального Банка Российской Федерации.

Финляндский Банк – наиболее значительная постройка Сортавалы в стиле неоклассицизм с некоторым неоромантическим оттенком. Это здание поражает своей мощью, монументальностью, суровой красотой камня в облицовке.

Чтобы лучше понять особенности архитектуры Финляндского банка, обратимся к истории. В архитектуре Финляндии конца XIX - начала XX веков, наряду с национально-романтическим направлением развивались и рационалистические тенденции, давшие жизнь стилю неоклассицизм. Архитектура классицизма привлекла внимание архитекторов, прежде всего, «единством плана и фасадов». Процесс смены стилей шел плавно.

Финский неоклассицизм, пришедший на смену неоромантизму в 1910-е годы, складывался под влиянием шведской архитектуры и петербургского неоклассицизма начала XX века. В то время в Петербурге строилось много зданий банков, торговых фирм, акционерных обществ, богато украшенных природным камнем. Граниты, габбро, кварциты, песчаники и другие горные породы использовались в разных цветовых сочетаниях, разнообразных скульптурных и архитектурных формах. В обработке поверхности камня применялись различные фактуры.

Финляндский Банк в Сортавала имеет много общего с банковскими зданиями Петербурга начала XX века. Весь «главный» фасад этого монументального, словно скала, сооружения, облицован серым огнейсованным сердобольским гранитом, привезенным из каменоломен «Нукутталахти» с острова Риеккалансаари. При подборе фактур камня Улберг, как и многие петербургские архитекторы начала XX века, придерживался принципа, что с высотой стен сооружения камень в облицовке должен становиться светлее. По низу здания из гранитных плит, обработанных в «мелкоточечной» фактуре, выложен узкий цокольный пояс. Выше его примерно на 2/3 высоты первого этажа стена облицована рустами - крупными гранитными блоками, обработанными в фактуре «скала». Такой способ обработки камня подчеркивает естественную красоту гранита, придает ему рельефность, живописность, выявляет игру светотени, отчего нижняя часть стены здания становится похожей на природную скалу. Остальная часть стены «главного» фасада облицована квадратами гранита, выложенными в шахматном порядке. Поверхность плит обработана в «крупноточечной» фактуре, осветляющей камень.

Финляндский Банк украшен разнообразными декоративными элементами, выполненными также из сердобольского гранита. Так, камнями клиновидной формы выложены своды над окнами первого этажа и над главным входом в здание. Прямоугольные окна второго этажа оформлены наличниками, выполненными из небольших квадратов и профилированных пластин. Замковые камни окон украшены диковинным растительным орнаментом. Все эти элементы приносят в композицию здания дыхание романтики. Впечатляют массивные гранитные подоконники на фигурных кронштейнах нижних окон.

Главный вход в банк выделен особо. К нему ведет высокая гранитная лестница, по краям которой установлены мощные гранитные тумбы с барельефами банковских знаков. На тумбах укреплены резные цветники. Еще более тонкая работа по камню видна в изящной короне замкового камня над входом в здание.

Интересны интерьеры внутренних помещений банка. Наибольшее впечатление производит двухцветный операционный зал, чертежи которого разработал архитектор К. Борг: его полы покрыты цветной керамической плиткой, стены облицованы панелями из красного дерева, двери украшены филёнками, на потолке – причудливый орнамент. В некоторых комнатах сохранились цветные и белые изразцовые печи, похожие на те, что находятся в бывшем операционном зале Объединенного Банка Северных Стран. Лестница, ведущая на второй этаж с бокового входа, выполнена в тех же пластических традициях, а пролеты облицованы такими же керамическими плитками, что и в первой сортавальской постройке Улберга.

Здание Финляндского Банка с полным правом можно назвать «музеем камня», в котором отражены природная красота сердобольского гранита, виртуозное мастерство каменотесов и высокий дух финской архитектуры начала XX века.

Построив в Сортавала два банка и Торговый дом, архитектор Улберг более чем на десять лет расстаётся с этим городом, и целиком отдаёт свои силы благоустройству столицы Выборгской губернии. В 1918-1930-е годы Улбергом в Выборге было построено много различных зданий и сооружений, среди которых наиболее известны следующие: деловые и жилые дома Ф. Рихарда (1918 г.) и В. Диппеля (1921 г.), жилой дом (1923 г.), сахарный склад фирмы «Хакман и К» (1925 г.), здания редакции и типографии газеты «Карьяла» (1929 г.), ломбарда (1931 г.), картинной галереи и школы живописи (1931 г.), окружного архива (1933 г.), городской женской клиники и родильного дома (1937 г.).

На состоявшемся в Выборге в 1926 году съезде архитекторов северных стран постройки У. В. Улберга получили высокую оценку.

В 1926 и 1927 годах в Сортавала по проекту Улберга были построены в стиле неоклассицизм совершенно непохожие на предыдущие постройки архитектора, два каменных здания: Финских сельскохозяйственных товаров (таможня, ул. Ленина) и Акционерного Общества «КелломаниEMI» (жилой дом, угол Вайнемейнена и Суворова).

Фрагмент фасада здания на ул. Комсомольской (2008 г.)

Копия чертежа главного фасада дома

Раиса Мустонен

Раиса Мустонен – прозаик, драматург, киносценарист, журналист. Член Союза писателей России. Родилась в Карелии, в г. Сортавала. Окончила Литературный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров.

Работала маляром, портнихой, кондуктором автобусов, почтальоном, стюардессой, библиотекарем, корреспондентом в газете, редактором в журнале.

Книги выходили в Карелии и Москве, а так же за рубежом: в Финляндии, Швеции, Норвегии, Германии, США.

Один из ее рассказов вошел в сборник лучших новелл, прозвучавших по шведскому радио, где из русских писателей были представлены только она и А.П. Чехов.

Пьесы ставились в Петрозаводске, Архангельске, Стокгольме.

Пишет сценарии, в том числе написала в соавторстве шесть серий для популярного телесериала «Улицы разбитых фонарей».

Живет в Петрозаводске.

В этом номере альманаха публикуется журнальный вариант рассказа «Щасте»

В 14 лет у своего дома на ул. Карьеской

Среди выпускников (верхний ряд, центр). 10 Б класс, средняя школа №1 (1966 г.)

Щасте

Это бабушка так ласково ей писала: «щасте». Как говорила, так и писала: «Дорогая унученька Олюшка поздравляю тебя с днем солидарности трудящихся женщин 8 марта. Жилаю сдаровья и щастя в личной жизни».

Со «щастем в личной жизни» — не везло. Кавалеры, конечно, случались. Но какие-то всё... Маловысокохудожественные, что ли? Или—слишком уж экзотические. На экзотику везло, может, потому, что и сама смотрелась неординарно: высоковата даже по нынешним меркам. А так очень даже ничего: лицо миловидное, волосы рыжие-рыжие, глаза синие-синие. А поклонники — нарочно не придумаешь. Например, разнаяйцевые братья-близнецы. Они так и знакомились: «Братья-близнецы Лобковы. Разнаяйцевые. И пусть внешне не похожи, внутренне мы — один человек. И даже поэзию вместе сочиняем».

Не глянувшись ей разнаяйцевые, хоть и «сочиняли поэзию», которую она уважала. Да и при всем желании у нее с ними ничего бы не вышло, так как ухаживали они за ней исключительно сообща, парой, к тому же сразу дали понять недвусмысленно, что если она решится, то вступать в близкие отношения ей придется с ними двумя одновременно, а такое для Олюшки было неприемлемо ни под каким соусом. Она хоть и считала себя девушкой продвинутой (например, не осуждала гомосексуалистов), но не до такой же степени.

Как-то по осени на автобусной остановке с «классическим мужчиной» познакомилась. Обычно знакомиться на улицах было не в ее правилах, но тут слово за слово, он — одно слово, она в ответ — другое... «Девушка, а девушка, а вы когда-нибудь классического мужчину видели?» Она в ответ: мол, по телевизору. Он: а не по телевизору? Она: а не по телевизору не доводилось. Он: так смотрите, фокус-покус, демонстрирую только раз. И эффектным жестом (прямо Давид Копперфильд, часто, видно, тренировался, девушек заманивал) сбрасывает с плеч шикарный плащ заграника и тычет пальцем в нашивку на рукаве пиджака: «Английский в школе учили?» И правда, на рукаве тамбурным швом по-английски вышито: «CLASSIC MAN». Ой, и хохотала же она.

После такой шутки юмора он отрекомендовался моряком Аркадием, сказал, что буквально два часа назад сошел на берег, полгода бороздил моря-океаны.

Поначалу Аркадий ей понравился. Веселый. Всю дорогу в автобусе она хохотала, хохотала и от хохота не заметила, как он сошел следом на ее остановке, как прямым курсом зигзаг сделали в магазин «24 часа», какой у нее дома оказался (совершенно незнакомый, посторонний мужчина) и как душевно засиделись за кухонным столом далеко за полночь. Даже пели дуэтом веселые песни про моряков: «Моряк вразвалочку сошел на берег, как будто он открыл пятьсот Америк...» и «Эй, моряк, ты слишком долго плавал, я тебя успела позабыть...» А потом он запел соло длинную жалостливую песню коварных мужчин: мол, разрешите переночевать, на такси денег нет, ключи от дома потерял и тэ дэ, и тэ пэ. Короче, лапшу на уши стал девушке вешать, а она эти самые уши и развесила, чтобы лапше лучше вешалось. Поверила, пожалела. Ну не дурочка ли? Или просто доверчивая, как многие женщины, которые жаждут «щастя».

Взяв с него честное офицерское слово, что не будет приставать, постелила ему на раскладушке в кухне. И поначалу еще не спала, прислушивалась, как он там ворочается, томится, раскладушкой поскрипывает — все-таки немного побаивалась. Вступать в какие-то близкие, тем более интимные отношения с первого знакомства тоже было не в ее правилах. Да и хмель начал потихоньку выходить из организма, и «классик мэн» уже не казался таким интересным и остроумным, как ранее. А под утро она, потеряв бдительность (раскладушка перестала скрипеть), вздремнула. Тут-то и началось, по полной программе. Но Олюшка могла за себя постоять, по юным годам даже секцию каратэ кёкусинкай посещала при Доме культуры турбовентиляторного завода. Отбилась, отстояла девичью честь, выставила нахала за дверь. А он — в окно, она на первом этаже жила. (Спасибо стальным решеткам) И уже совсем лыка не вяжет, в сосиску пьяный, в дупль, в хлам И когда успел?.. Наверно, денежки все-таки имелись, сбежал в «24 часа» и тут же, в подворотне, и вылакал. В раму оконную чем-то колотит, стеклами дребезжит, ее почему-то нерусской Марикой обзывает: «Марика, стерва ты нерусская, открывай, не бойся, не трону. Кому говорят — открывай». Она свет в квартире погасила и затихла, дышать даже боится. Тогда он в дверь принялся ломиться — ногой пинать, звонком звенеть. И так попеременно: то в дверь, то в окно... Соседи долготерпеливые за своими дверями притаились, пока не сдали нервы у дяди Миши — грузчика из «24 часов» — и он не вышел к буяну, пообещав твердым мужским голосом гарантированных пятнадцать суток в казенном заведении в придачу к разбитой морде лица.

Но на этом не кончилось. Потом, что ни утро — «классик мэн» ее уже у дома караулит с бутылем, прямо у ее подъезда водку пьянствует. Она и на работу опаздывала — переживала, когда ему надоест на холоде торчать, и наоборот, на два часа раньше в контору являлась — начальство удивлялось такому трудовому рвению. Причем, если в первую встречу он ее своим пиджаком с тамбурной вышивкой заманивал, то потом все в какой-то фуфайке драной заявлялся, по виду — типичный бомж, а не моряк, не боцман. Телефон ее домашний где-то нарыл, названивал, начиная с пяти утра. Она уже трубку телефонную боялась взять —

всякие непристойности, еле языком ворочая, предлагал совместно совершить. И так мудрено предлагал — ни словечка мата, а мерзее не придумашь. Вот такой моряк с печки бряк. Она уже и в милицию хотела заявление нести, но постыдилась. Спросят: домой приглашали? спиртные напитки совместно распивали? ночлег под крышей дома своего предоставляли?..

Решила впредь быть осмотрительнее. Со следующим поклонником не на автобусной остановке познакомилась, в интеллигентном месте — в ведомственной библиотеке завода бумагоделательных машин. Устроилась туда временно, по просьбе одной из своих многочисленных подруг (та, выйдя в декретный отпуск, хотела, чтобы на это время свой человечек сел на ее теплое место и гарантированно не подсадил).

Этот, библиотечный, был какой-то не слишком большой шишкой в заводской администрации и имел массу свободного времени в течение восьмичасового рабочего дня. И совершенно не пил, что называется — в рот не брал, и это наталкивало Олюшку на подозрения, что он закодированный или еврей, а может, то и другое в одном флаконе, по нынешним-то временам уже не новость — сильно пьющий или закодированный еврей.

Олюшка себя скрытой антисемиткой теперь не считала, как на заре перестройки. И имела на то основания. В свое время, после ежегодного вечера встречи выпускников разных лет в ее родной школе, Олюшка четверть ночи провела с бывшим своим одноклассником Иосифом, Оськой, который ее со школьной скамьи домогался. Только из-за того пошла ему навстречу, что боялась, как бы в случае отказа ее не обвинили в антисемитизме. И, что характерно, больше не однокласснику даже доказывала, а себе, что не является «скрытой антисемиткой». Прямо Фрейд какой-то. Такие времена и нравы были на дворе. Чуть что не так — в два счета тебе приклеют ярлыки антисемита, коммуно-фашиста красно-коричневого, патриота, который ничуть не лучше кошки, или альтернативные: сиониста, русофоба, «этастранца», демократа, готового за понюх табака родину продать. Одноклассник ей ни чуточки не нравился, но она осталась ему благодарна, так как с его помощью совершенно избавилась от комплексов, внушенных ей тогдашними средствами массовой информации (идиотизации, говаривали иные) и могла впоследствии запросто, в случае необходимости, послать куда подальше любого приставучего русскоязычного.

И вот этот человек из заводской администрации, похожий на закодированного еврея, повадился ходить к ней в библиотеку ежедневно. И вообще вел себя как безработный, по три-четыре часа штаны в ее библиотеке протирал. Пока она записывала книжки в формуляры, он знакомился с периодикой, а когда освобождалась, заводил беседы. Эти беседы ее сильно утомляли, так как ничего не давали ни в плане эмоциональном, ни в интеллектуальном или хотя бы познавательном. Как представитель противоположного пола он ее совершенно не интересовал и как собеседник был никакой. Они не беседы беседовали, а, как вычитала Олюшка в одной умной книжке: «оперировали самоочевидностями». Например, он мог сказать: «Политика — грязное дело, нормальный, порядочный человек не пойдет в политику». — «Да, — соглашалась Олюшка, — грязное... не пойдет...» Или еще: «При простуде лучше всего лечиться домашними средствами — горячим молоком с маслом и медом. (А кто этого не знает?) Прекрасно помогает обильное питье, чай с малиной, вызывает обильное потоотделение, а с потом из организма человека удаляются все хвори и шлаки». — «Абсолютно с вами согласна, я тоже предпочитаю домашние средства, особенно, на мой взгляд, эффективен чай с малиной...» — от начинающейся всякий раз головной боли в его присутствии она стремительно тупела и принималась изъясняться словами из его лексикона, с любой банальностью, подаваемой им как открытие, почему-то соглашалась. А хотелось заорать, не то слово — завизжать, чтоб заткнулся. Но ведь не закричишь, не пошлешь подальше, руки-то не распускает — только язык. Во время такого их обычного диалога по принципу «лошади кушают овес, Волга впадает в Каспийское море» она начинала ненавидеть всю мужскую породу. Если бы он шиворот-навыворот выражался: море впадает в реку, овес питается лошадьми, она, может, еще и заинтересовалась бы, а так...

Роман этот, еле теплившийся, слава богу, оборвался вдруг, внезапно: чтобы ликвидировать ставку библиотекаря (лишняя ставка — лишний рот, который есть просит), решили ликвидировать библиотеку, а книжки сослать в сельскую местность школьникам в подарок, и она покидала эту синектуру без всяких сожалений, так как уже стала опасаться, что говорун своими «медитациями» добьется чего хочет. Не мытьем — так катаньем. Было только жаль родившую подругу, которой не уберегла тепленькое местечко, но тут уж не она, Олюшка, виновата, а очередной слом общественной формации (то социализм с человеческим лицом строили, то за капитализм с нечеловеческим принялись).

«Что такое не везет и как с ним бороться? — горько размышляла Олюшка после очередного неудачного романа. — Все подруги давно замужем, некоторые уже по второму разу, многие детей нянчат, у кого-то кроме мужа и любовник имеется, и только у меня такая невезуха. Что я, дурнее всех, глупее?.. Нет ведь».

Ну не везло...

А однажды... Это только с Олюшкой такое могло приключиться, так как была она девушкой доброй, и люди это чуяли. И не только люди. Собаки бездомные не облаивали, кошки о ноги терлись. И почти у всех встречных она вызывала желание поделиться наболевшим, в жилетку поплакаться. Но все по порядку.

Очень понравился ей один мужчина. Подбородок как у Шварценеггера, мускулатура, немногословный, весь какой-то из себя мужественный. И вот танцуют они второй медленный кяду, она его мускулатуру под рубашечкой тоненькой батистовой ладонями ощущает (дело было в гостях, уже все выпили, разгорячились, и

мужчины с позволения дам пиджаки скинули), и он вдруг ее спрашивает негромким интимным голосом: «А вам приходилось когда-нибудь человечину есть?» (Ха Ха Ха А вам приходилось когда-нибудь на Канарских островах отдыхать?) И причем, «человечина» прозвучала как «говядина» или «свинина», но она сразу не рассекла, думает: это он фигурально выражается. И фигурально же ему отвечает: «Определенно не скажу, но, видимо, как и многие, людей я ела, не то чтобы поедом, но все же... Не безгрешная». — «Вы меня не поняли. Я спрашиваю: ели ли вы когда-нибудь человеческое мясо?.. Я ел». Тут до нее дошло. «Мясо? Человеческое?» Даже волосы на голове зашевелились от ужаса. Но виду не показала, валенком прикинулась и ну щебетать, ну щебетать: «Ничего такого экзотического не ела. Знаете, на том конце стола, рядом с хозяйкой, замечательная селедочка в брусничной заливке — пальчики оближете. Не пробовали? Рекомендую». Как в разговоре с родным, но слабоумным дядей Витей уменьшительно-ласкательные суффиксы поперли. Отвлекла внимание «людоеда» селедочкой в брусничной заливке, и — шашь — в совмещенный санузел «носик попудрить». А вернувшись, принялась активно, прямо-таки вызывающе кокетничать с ведущим солистом муз-драмтеатра, тенором. Но боковым зрением держала в поле своего внимания предыдущего партнера по танцам, возможно, чокнутого. Тот сидел на хозяйкином месте рядом с селедочкой (уже пошла такая гульба, что все за столом перемешались), мрачно, с явно не «каннибальским» аппетитом ковырялся в ней вилкой, хлопал одну рюмку за другой, но не пьянел. А в сторону Олюшки больше не посмотрел ни разу. И слава богу.

Олюшка, конечно, понимала, что человек этот в общем-то приличный, явно не маньяк какой-нибудь, скорее вынужденный людоед. Может, геолог с нелегким геологическим прошлым. (Воображение разыгралось: экспедиция заблудилась в непроходимой тайге, связь с Большой землей потеряна, продукты закончились, и один из товарищей по партии — геологической, естественно, — пожертвовал на общий стол свою сломанную открытым переломом ногу — вот даже какая мутотень лезла в голову). А может, этот человек с мужественным подбородком в плену побывал, в Чечне или Афгане, там и не такое могло случиться-произойти... В конце концов, вполне вероятно, мужчина просто газет начитался, телевизора посмотрелся — вот и в самом деле «крыша поехала». То психбольного юриста по TV покажут, как он консервировал в трехлитровых банках «фрагменты тел» юных девушек — как огурцы с дачи. То в газете напишут, как один мерзавец двадцать своих товарищей, соседей по рабочему общежитию, целую неделю котлетами питал из человечины, в качестве закуски. Те ели и нахваливали, не зная, чем питаются. Еще и водку благодетель бесплатно поставлял, меняя на рынке на «свежую телятину». А работяги и рады, раскатали губу на халяву... Прочитаешь такую статейку в периодике, купишь на рынке пирожков позавчерашних — еще и не то покажется. Может, и этот просто пирожков несвежих поел?.. Хотя вряд ли, за всем обликом этого мужественного человека ощущалась какая-то неизбывная личная трагедия. И Олюшка потом казнила себя, ругала последними словами, что не поговорила с ним, не выслушала, не утешила. Он хотел исповедаться, гнет с души снять, а она испугалась.

И даже импотент у нее был. Тот самый солист оперетты из муздрамтеатра, на которого она «людоеда» променяла. Да такой страстный импотент попался (что не редкость, как потом выяснила в задушевных беседах с подругами), страстностью-то ее и подкупил, и еще — что греха таить — именем своим громким. Тенор во время так называемого соития страстно кричал нехорошим голосом, стонал, кусался (плечо ей едва не прокусил), вдохновенно исполняя, как он выразился, «прелюдию», заламывал ей руки за спину и чуть одну руку не вывихнул, любимую, правую. Прямо — страсти в клочья, а результатов — пшик. Еще и упрекал ее в сдержанности: «Ты что такая холодная? Как принцесса на горошине». «Тоже мне, прынец нашелся,» — думала Олюшка, но вслух своих эмоций не выражала, не говоря уже о том, чтобы стонать. Это в кои-то веки она сподвиглась на внебрачную половую связь (ну не любовью же эту возню называть?), да еще с любимцем публики, и — ничего впечатляющего. Она ничего не имела против импотентов, как и против гомосексуалистов, люди же, в конце концов, не виноваты, это кому что от природы дано. Но веди, пожалуйста, себя соответственно, не корчи плейбоя. Скромнее надо быть. А тенор, на сцене привыкший исполнять роли героев-любовников, был и по жизни без комплексов, ущербности своей не ощущал и «либидо» своим (так он называл свое непонятно что) страшно гордился. Вот как его сгубили, до какой степени развратили своей лестью и поклонением многочисленные любительницы оперетт и мюзиклов. Можно себе представить, что в этом смысле в шоу-бизнесе творится, у тех ведь еще организмы ослаблены наркотиками и спиртными напитками. А наша Олюшка оперетту, как и шоу-бизнес, терпеть не могла, предпочитая серьезную классику типа Шуберта, и потому не стала дожидаться утра. Шапку в охапку — и вывалилась из квартиры артиста, увешанной исключительно его портретами. Больше они с тенором не виделись, так как ходили в основном по разным дорожкам. Но когда она слышала от кого-нибудь о похождениях этого якобы Казановы или читала про его шумные страсти-мордасти в светской хронике в желтой прессе, у нее почему-то начинала ныть правая рука.

«Не надо мне никаких артистов, никаких принцев, — все грустнее становились Олюшкины мысли. — Попался бы обыкновенный, нормальный человек, пусть даже женатый, и родить бы от него ребеночка. Больше уже ничего от судьбы не прошу, никакого «щастя в личной жизни».

А тут навстречу и «принц», собственной персоной. Заморский. Студент. Мексиканец из мексиканской

столицы Мехико. Очень красивый, на красоту и клюнула, с индейской кровью в жилах. «Этот уж, из племени апачей, наверняка неподдельно страстный», — думалось Олюшке. Когда они шли вдвоем по улицам, проспектам и площадям столицы, на них оборачивались. Она рыжая, белокожая, а он смуглый, волосы смоляные до плеч, и ростом на целую голову выше нее. Красиво смотрелись, крупно. У него имя испанское из двадцати трех слов состояло, начиналось на "Хосе Ортега Артуро Перальта", а заканчивалось на «Тар». А середку имени она никак вызубрить не могла, но он благосклонно разрешил называть себя просто — Тар. Ей, правда, больше импонировало — Хосе. Все подружки наконец-то завидовали ей, даже которые по второму заходу замужем. И всячески своей завистью к решительным шагам подталкивали. «Эх, — решила Олюшка, — была не была, замуж за границу не пойду, да этот Тар-Хосе и не зовет, а ребеночка рожу назло врагам, красивый ребеночек должен получиться, и умный, говорят, метисы самые умные». Но в последний решающий момент одумалась. И по очень смешной причине. Он по-нашему еще плохо говорил, с сильным иностранным акцентом. И вот в пылу страсти шепчет ей в ушко: «Я тебя лублу, Оля...» И как-то все это не по-русски. Она терпела, терпела и не выдержала, сорвалась в крик: «Что ты все заладил — лублу, лублу... Научись сначала «люблю» говорить». И отпихнула его, навсегда.

«Пусть мой сын или дочка будут и не от русского человека по крови, даже хоть и от еврея, хоть от эрзя или мокша, от татарина с басурманином пусть, но от нашего, от россиянина».

Вот такая была патриотка родины. И не надо «ля-ля», что все наши девушки только об иностранцах и о заграничах мечтают. Олюшка вам обратный пример.

Никогда не надо терять надежду — так гласит народная мудрость. А народ всегда прав, даже когда не прав.

... Наконец-то, когда надежды почти совсем не осталось, явился он — Он с большой буквы. Прилетел на крыльях любви. (Если уточнять - на крыльях авиакомпании «Аэрофлот».) Познакомились, как в сказке, на небесах. На высоте десять тысяч метров. Он был летчик. Пусть не командир эскадрильи, не командир корабля, а второй пилот гражданской авиации, что тоже почетно. А уж в их-то авиаотряде летали в основном только на Север — в Сыктывкар (летчики шутили — Сингапур), в Андерму (Андермо — пошучивали), Тикси, Хатангу, на Чукотку и Землю Франца Иосифа — самые опытные и уважаемые пилоты. А Олюшка — стюардесса, если официально — бортпроводник. Сначала стажером, со второго рейса «вторым номером» в бригаде бортпроводников. Должна была о пассажирах заботиться, кормить их, поить, в случае чего и спасать, рискуя, а если понадобится, то и жертвуя своей единственной жизнью. Такая работа.

И как же, спрашивается, Олюшка залетела в такую интересную авиакомпанию, где ее уже поджидало «щасте»? Это смешно, но опять же — через своих подруг, успешнее устроившихся в жизни. Снова выручала, чтобы подружки в летний сезон могли спокойно в отпуске отдохнуть.

И вот, чтобы полетать три летних месяца, она на эту работу устраивалась все три весенних — такая серьезная была медкомиссия. Вместе с абитуриентами летного училища ее проходила, будущими небесными асами. И на центрифуге ее крутили — проверяли вестибулярный аппарат, и керосины-бензины и прочие гадости давали нюхать — может ли отличить горючие материалы от негорючих по запаху (это чтобы в рейсе на борту «жареным» не запахло). И нервные врачи ее изучали по всем статьям. А как же, психика у бортпроводника должна быть здоровая, и за пассажиров отвечаешь в рейсе, и за экипаж.

Уже медкомиссию почти полностью прошла, и вдруг — препятствия на пути к небу: сердце и зубы. Оказалось, что целых три абсолютно здоровых на вид зуба охвачены зловредным кариесом. И аритмия, что уже серьезнее. В рейсе ничего не должно отвлекать бортпроводника от выполнения служебного долга: ни зубная боль, ни сердечная. Но врачи посоветовались и решили допустить девушку до полетов как временно исполняющую обязанности. Зубы в один присест вылечила, а на сердце никогда не жаловалась, вообще его не чувствовала. Может, потому и не вытанцовывалась любовь?

И еще пришлось Олюшке заняться бегом трусцой и сесть на бразильскую диету. Где-нибудь в гостях спрашивают: «Ты почему ничего не кушаешь, всегда поесть любила?» — «Фигуру клету хочу выточить». — «Эх ты, токарь ты наш... То-то, смотрим, похорошела...» И точно — ну очень похорошела. Вот как она капитально готовилась к встрече со своим «щастем», сама того не ведая.

И вот все позади: комиссии, диеты, стоматологические, и «»токарные» работы. И даже в первый рейс слетала, стажером. А во второй уже пошла полноправным членом экипажа, и сразу — на длинную дистанцию, в Чокурдах, это на Чукотке.

И вот летят они, летят на высоте десять тысяч метров. За бортом температура минус такая-то, а в салоне ни жарко ни холодно — как надо. Спокойно, уютно. Ровный гул моторов, мерное мерцание бортовых огней за стеклами иллюминаторов. Никакой тебе болтанки, машина ровно идет, бояться нечего. А Олюшке и некогда бояться, она на кухне пассажирам пищу аэрофлотовскую по подносам раскладывает. И тут из пилотской кабины к ним на кухню второй пилот приходит. «Девчонки, жажда замучила, плесните сока». Она на него ноль внимания (а чего любоваться: маленький, худенький, рыжий), прямые обязанности свои выполняет — страждущему полный стакан сока наливает. И вдруг самолет как потряхает, как дернет и резко, камнем вниз — у-ух Потом, правда, выровнялись.

А это вот что — позже выяснилось — приключилось. «Первый номер» Аня, бригадир бортпроводников, доложила командиру корабля, что в туалет заперлись подростки, на стуки не реагируют, и каким-то

странноватым запахом из дверей тянет — уж не «травкой» ли молодежь балуется?.. Чтобы шугануть курильщиков, а то и наркоманов, командир резко сбросил высоту, контролируя ситуацию. Нарушителей порядка этим, правда, не слишком напугал, а законопослушных пассажиров изрядно. Олюшка же напугалась до полусмерти, не за себя, за подопечных, показалось, что забыла все инструкции и в случае надобности запасной трап не сможет правильно разложить. И от страха вцепилась машинально мертвой хваткой во второго пилота, как в лицо, облеченное властью и облаченное в форму, к тому же лицо более опытное. А он обнял ее успокаивающе, и такое родное объятие она вдруг ощутила, как будто для этого объятия и родилась. «Испугалась?» — он ласково спрашивает. Она подняла глаза на него (точнее — опустила, она же чуть ли не на полголовы его выше была), встретилась с его глазами и — всё, попалась, которая кусалась. Дальше — нет слов. И он сразу все понял — что родился для ее объятий.

И потом, после рейса, когда они уже только вдвоем с ним летали над самой Землей, такое случилось: руки их нечаянно расцепились, сплетенные ноги расплелись, и они стали терять высоту, падать. А она падала быстрее, так как несмотря на все проведенные по весне «токарные работы», весу в ней было больше и сила притяжения действовала на нее интенсивнее. И падала она все стремительнее и вот-вот уже должна была удариться о земную твердь, и тогда бы или сама разбилась, или сердце бы не выдержало, разбилось от любви и печали. Но он сделал резкий рывок всем телом, внутренним усилием, волей мужской придавал своему телу ускорение и нагнал ее в смертельном полете, даже перегнал (он ловкий был), подлетел снизу, подхватил ее у самой поверхности (успел иначе точно бы разбилась от разрыва сердца, ведь сильная любовь почти так же непереносима, как и сильное горе), подхватил, обнял обеими руками и сказал смешное словечко: «Бумс».

А потом они лежали рядышком, на Земле, как на небе, взявшись за руки, чтобы уже не терять равновесия. Вслух молчали, а про себя каждый думал, искал совпадения. А их и не надо было искать, сами отовсюду так и перли. Он думал: ее Ольга зовут, меня Олег — что-то в этом есть... Она: меня все Олюшкой называют, а его мама, наверно, Олежкой, и я так буду... Оба думали: а фамилии-то у нас на одну букву начинаются, на К. Она: бедненький, наверно, в детстве мальчишки дразнились: «Рыжий-рыжий, конопатый, убил бабушку лопатой...» А мы опытные, научим сына не обижаться. Он: оба рыжие, можно общество рыжих создать, ячейку семейную...

И, что интересно, всякие несовпадения они в расчет не брали. Например, такое: что он, мужчина, ее, женщины, на полголовы ниже, а должно быть наоборот... Почему это должно? Кто сказал? Кто постановил? Какие это все глупости: ниже — выше, старше — младше, умнее — глупее, красивая — некрасивый... В главном — совпали.

А может, счастье это и есть такое состояние, когда ты совпадаешь со мной, а я с тобой, и вместе мы совпадаем со всем миром?

Вот так они и лежали на белой постели, как на белых облаках, и уже внешние звуки постепенно стали проникать в ее комнату: звенел трамвай за окном, но теперь этот звон не раздражал; в подъезде бухали чем-то — хорошо, значит, код на уличной двери чинят; над головой, на втором этаже, играли на рояле ее любимую шубертовскую «Серенаду» — оказывается, это и его любимая мелодия... Лежали и слушали радио (то еле лопотало на кухне, а то вдруг заговорило в полный голос), уже хотелось немного знать, что творится во внешнем мире...

А во внешнем мире что бы ни творилось в эти минуты — все творилось для них и ради них, все творилось во их славу. И даже новости на этот раз были только хорошие — никаких тебе катастроф, никаких терактов, ни жертв, ни палачей. И музыкальный концерт был — как будто по их заявкам. И такое складывалось у обоих впечатление, что весь мир наружный в заговоре, но не против них, как тогда, когда они еще были поодиночке, а за.

Потом по радио началась дискуссия. И не о политике. Животрепещущую тему как по заказу обсуждали в прямом эфире какие-то серьезные дяди и тети, крутили-вертели со всех сторон, и с научной точки зрения, и с обывательской. «Что такое счастье?» — вот что они обсуждали и никак не могли прийти к консенсусу. Народ звонил на радио, и кто дозванивался — вносил свою лепту в дискуссию. «Счастье — это самое таинственное и неуловимое на свете...» — говорил один. «Счастье — это миг,» — вторила другая. «Счастье — это когда зарплату хватает не только на выпить, но и на закусить,» — настаивал третий.

И разговор получался интересный, оживленный — прямой эфир. Одна женщина с неюным голосом, дозвонившись, почти закричала: «Дайте мне-то сказать!» Ей дали: «Говорите, вы в эфире». И она заговорила, волнуясь, срывающимся голосом, громко — на всю нашу огромную невезучую родину:

— Счастье — это когда у меня есть целых три косточки для уличных собак — Белки, Агу и Рекса, и они не дерутся из-за одной. Счастье, если испуганная жизнью Белка (то лапу ей ломают, то бомжи хотят съесть, потому что сами голодные), Белка, которую я кормлю три года, вдруг позволит погладить себя по голове. Счастье — когда соседка-пенсиянка подарит шапку, чтобы не мерзла голова. А другая, не пенсионерка, подарит свои сапоги, чтобы не мерзли ноги. Счастье, когда мой сын улыбается, не голоден, когда хочет работать и имеет работу. Счастье, когда люди понимают, что не только нужно, но даже выгодно быть добрым, независливым, бескорыстным, уметь радоваться за других, и когда сама не забываешь об этом. Счастье — когда тебя не рвут на части и не прикасаются без спроса. Счастье — верные друзья, а не верные — не друзья

и были. Счастье, когда не говорят американскую фразу: «Это ваши проблемы». Счастье, когда не врут и сама не врешь. Счастье—это просто жить, а потом умереть, то есть вернуться домой, в космос...

Голос у женщины прервался, она всхлипнула, и сразу в эфир пустили музыкальную заставку, а потом рекламную паузу про новое поколение, которое выбирает пепси и шампунь от перхоти.

— А знаешь, мне однажды счастье приснилось, — сказала Олюшка. — Будто я старая и толстая, еду куда-то в поезде в общем вагоне... Куда — не знаю, может быть, в город детства? И у меня на руках ребеночек, даже непонятно, мальчик или девочка, совсем крохотный, младенец. А я глажу его по головке, и вдруг рука моя замирает — чувствую под ладонью биение... Родничок... Ты знаешь, наверно?.. Когда человек рождается, у него тут, на темечке, кости не сразу срастаются. И вот я держу руку у него на головке, а под пальцами вселенная бьется, пульсирует... И вот эта дорога, путь домой, к своему детству, с ребеночком на руках, со вселенной — и есть счастье... И еще потому счастье, что я знаю, даже во сне чувствую, помню, что нас на станции кто-то ждет. А кто — не знаю... Теперь-то знаю, догадалась, это ты нас ждешь. А я от детей наших к тебе возвращаюсь, с внуком, а может, и внучкой...

Он не сразу ответил:

— Я навсегда запомню эти обои у тебя на стенах.

И это прозвучало то ли как признание в любви, то ли как прощание.

— Ты что, бросить меня задумал? Обои запоминаешь? — не испугалась она.

— Нет, — засмеялся он. — Просто думаю: поменять их надо, ремонт тут тебе сделать капитальный... Чтобы две наши маленькие квартиры на одну большую выменять. А то внуки не поместятся.

Вот так он сделал ей предложение. Он же был с одной стороны человек романтичный (иначе в летчики бы не пошел), а с другой — реалистичный, и это хорошо, т. к. с романтичностью в их будущей семье и так намечался перебор.

И она услышала свое сердце, как оно колотится, бьется неровно, неритмично — недаром врачи аритмию ставили. Чтобы успокоиться, голову ему на грудь опустила и услышала стук его сердца. И так слушала долго, пока не перестала слышать, потому что разные биения их разных сердец слились в одно уверенное ровное биение. А ровный стук сердца мы обычно не слышим. И стало почему-то грустно. Но счастье, наверно, и должно быть немного с грустью, с печалью.

— Я хочу оставить завещание. Запоминай. Понадобится — и у нотариуса заверим. Если я умру раньше тебя, сколько бы лет нам ни было, хоть сто, хоть двести, ты подойди к моему гробу, где я буду лежать вся в белом, как невеста, и поцелуй меня тихонько-тихонько, не в лоб — прямо в губы. И я даже на том свете почувствую твой поцелуй. И заплачу. А ты заметишь, как слезинка по щеке моей катится, и догадаешься, что я не до конца умерла и мы еще встретимся.

— Не хочу я ждать похорон, я тебя сейчас поцелую.

И поцеловал, тихонько, как просила. Иона едва не задохнулась от его нежности. И слезинка с ее щеки на его перекаталась, защекоталась. Он стер след от слезинки с ее щеки шершавой мужской ладонью, а со своей не стал — пусть щекочется — и сказал:

— Щасте ты мое луковое.

У него так и вышло, как у бабушки ее: «щасте».

— Что-то ты рано засобиралась, мы с тобой еще покувыркаемся.

— Ты хотел сказать—полетаем?

— И полетаем, и покувыркаемся... Все еще в жизни случится. Щасте, уважаемые пассажиры и члены экипажа, это вам не фунт изюма.

То́йка

В нашем славном городе «S» живет множество скромных, но при этом довольно-таки интересных людей. Мы проходим мимо них каждый день, не узнавая в лицо своих героев.

Наш журнал решил исправить сей казус и расширить круг Ваших добрых знакомых. Уважаемый читатель, позвольте представить: Юрий Сулович Тойкко - человек, возрождающий прекрасное наследие прошлого, реставратор.

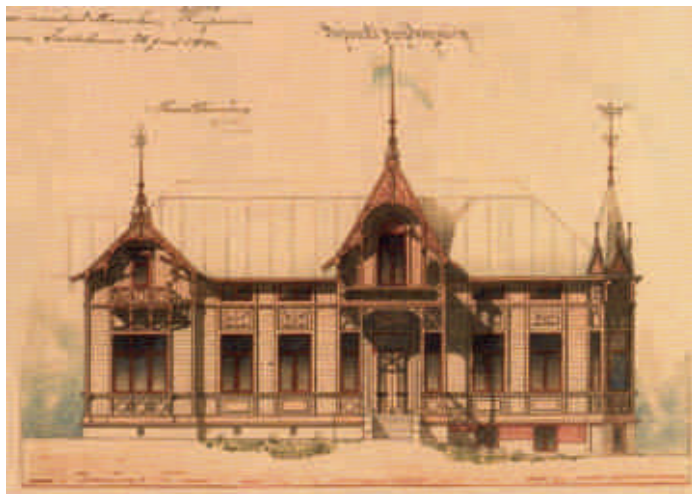
Его имя не так широко известно, как имена создателей архитектурных шедевров. Однако, сохранение памятников - это труд, требующий не меньшего мастерства, знаний, навыков и умений.

В 1964 году судьба занесла этого деятельного человека в наши края. Здесь он отслужил армию, окончил Петрозаводский Государственный Университет, долгое время работал в ПМК-117. А с начала нелегких девяностых занялся реставрацией на тогда еще государственном предприятии «Реставратор».

Именно с его легкой руки были возвращены прежние облики зданиям нынешнего Водоканала, Лесного управления, Гастронома, так называемого Пентагона, отреставрирована крыша современной администрации. В своей работе Юрий Сулович руководствовался старинными чертежами авторов архитектурных творений, которые он раздобыл в Финляндии. Наши соседи более ста лет бережно хранили эти бесценные документы. В команде реставраторов Тойко трудились около 30 человек. Именно благодаря этим людям в нашем городе сегодня чувствуются отзвуки «прекрасного далека», которые мы с гордостью демонстрируем заезжим гостям.

Но в конце XX века специальность реставратора в Сортавала перестала быть столь уж востребованной. Юрий Сулович отправился работать на Валаам, где его творческим

способностям не было предела. Он участвовал в восстановлении Смоленского скита, Летней и Зимней гостиц. На очереди был Кижский погост, на котором руки мастера требовали такие шедевры деревянного зодчества, как: дома Щепкина, Березкина и Васильева. Далее скитания продолжились под Беломорском, где срочно надо было спасать Церковь Святых Петра и Павла (XVI век). А затем реставрация Андреевского зала в московском Кремле. Следующей на очереди была часовня под Медвежьегорском. И так всю жизнь, на выражах своей единственной страсти к незыблемой старине.

Сегодня Юрий Сулович вернулся в Сортавала. Но его - ежний запал нисколько не иссяк. С болью в сердце, - аблюдая за разрушающимися зданиями, осыпающимися камнями, Мастер не желает складывать пухи и равнодушно взирать на безразличие к нашей истории. Ведь не даром говорят: чтобы дерево выросло оепким и здоровым необходимо чтить его корни.

Юрий вместе со своим другом и коллегой, заслуженным работником культуры России, Николаем Леонидовичем Поповым решили этим летом за свой счет восстановить склеп супругов Холлоблад.

Историческая справка

История развития города неразрывна связана с людскими судьбами. Супруги Элизабет и Герман Халлоблад оказали большое влияние на общественную жизнь Сортавалы. Статский советник Герман Халлоблад и Элизабет, дочь богатого купца Сийтойнена принадлежали к состоятельному классу.

Люди образованные и деятельные, они в 1860 г. основали народную школу Сийтойнена. На их средства в 1880 г. в г. Сортавала была построена вторая в Финляндии учительская семинария с преподаванием на финском языке, а в 1882 г. построена и подарена сельской общине народная школа. В 1881 г. на их бывшей усадьбе в Мюллюкюля Ээро Мякинен организовал фабрику музыкальных инструментов.

Меценаты Халлоблад оказывали реальную помощь в деле просвещения, религии (православной), культуры и экономики. Город получил в дар художественные ценности, а в доме по завещанию открыты музей и библиотека.

Фамильный склеп супругов Халлоблад — уникальный памятник и достойная память о достойных гражданах. Семейная усыпальница находится на финском кладбище (въезд в город со стороны Хелюля).

Текст - Наталья Байранова, фото - Виталий Рыстов

Думается, что никто из нас даже после смерти не хотел бы быть предан такому забвению. Ведь даже те камни, что молчаливо стоят на наших улицах, несут в себе музыку чьей-то души. Видимо есть время разбрасывать камни и собирать их.

Демехина

Александра Михайловна Демехина – человек, в Сортавала известный. Младший сержант Великой Отечественной, резчик по дереву и поэтесса, родилась в Вятской земле (по современному – Кировская обл., Шабалинский район, деревня Красава) в 1924 году. Фронтная молодость на Севере (служба с 1943 в Кемь и Беломорске, прибытие первым поездом в освобожденный Петрозаводск) и долгая после войны (с 1946) жизнь в ставшей ей второй родиной Сортавала. Не по возрасту быстрая, неунывающая, не смотря на тяжкие удары судьбы. С удочкой на городском заливе Ляппярви зимой и летом – это она! Такой человек Александра Михайловна, в жизни, и в стихах тоже. Публикуемые стихотворения взяты из сборника «Красава», вышедшего в Сортавала в 2005 году.

Я храню фотографию старую
очень бережно, больше полвека.
Это дань моя Юре Горяеву,
другу детства, бойцу, человеку.

За околицей – старая мельница,
ветряная, с большими крылами.
Мы здесь в прятки играли... Не верится.
Может, детство придумано нами?

Называю деревню родимую,
но сюда приезжаю, как в гости.
А могилы, родными хранимой,
нет у Юры на старом погосте.

Озорными глазами глядит со стены
деревенский сосед, не пришедший с войны.

2001

ПЕРВАЯ МЕТЕЛЬ

Всполошилась метель, занесветилась,
белоснежной фатой занавесилась,
в вихре белого танца, счастливая,
щедро сыплет снега торопливые.

Ты набрось кружева серебристые
на унылые липы ветвистые
и затейливо, пышною ватой
забросай – пусть побудут лохматymi.

Где ты, лето с высокими зорями,
да поляны с цветами узорными?
Заслонило их белою небылью.
Как же долго, метель, тебя не было!

1984

ПОДРУЖКА

Море Белое, камень горбатый у берега,
Заливало приливом его до макушки.
Как же часто, как часто сюда с тобой бегали,
моя милая Оля, родная подружка.
Вместе мерзли, бывало, в нетопленной комнате,
укрываясь от стужи шинелью одной.
И последний кусок – как его не запомнить нам!
– запивали из кружки холодной водой.
Жизнь идет, и опять старый камень доверчиво
обнимает и моет морская волна.
Свою внученьку Олю я жду поздним вечером
и, задумавшись, молча стою у окна.

1987

ЧАЙКИ

В Сортавальских заливах весна
Серебристыми машет крылами.
Криком яростных птиц взорвалась тишина,
закружились они над волнами
В крике чаек – волнение дорог
и грядущего лета тревога.
Камни Ладоги чайкам – родимый порог,
Память их и начало дороги.
На волнах, в камыше золотом
молодые появятся птицы,
серебристым платком пролетят над мостом,
чтоб весною сюда возвратиться.

ЭКЗАМЕНЫ

Мое поколение первый экзамен на знания
держало в беспечном тридцать девятом.
Тогда мы не знали, что грозным раскатом
о страшном война возвестит испытании.
Экзамен на верность любимой Отчизне,
на труд, уготованный людям от века,
на то, чтоб остаться во всем человеком
во имя любви к торжествующей жизни.
Все это проходит обычным порядком.
И, кажется, лучшие дни настают,
но видим с тревогой мы: дети сдают
необычный экзамен – испытанье достатком.
1986

СУПРУГУ

1.
Я тебя ни о чем не спросила,
Подала свои слабые руки.
Обрети в них надежду и силу,
позабудь одиночества муки.
Я тебе ничего не сказала,
стала другом тебе и судьбою,
твои раны бинтом обвязала,
стала сильною рядом с тобою.
Я тебя ни о чем не просила,
мне бы только одно видеть надо,
как, опять обретая жизни силу,
отвечаешь признательным взглядом.

2.
Мне с тобой хорошо и спокойно,
не изменишь ты мне, не обманешь.
И, все беды встречая достойно,
попрекать меня прошлым не станешь.
Как по камню, где мох сыроватый,
я по жизни бреду, спотыкаюсь.
Ты не думай, что ты виноватый,
да и я пред тобой не покаюсь.
Просто вместе сошлись две дороги
и связались одною судьбою,
просто в прошлом остались тревоги...
Хорошо мне, спокойно с тобою.
1984-1985

РОМАШКА

На листок, на дубовый, ромашка упала,
прилегла длинным стеблем к суровой земле.
Тут и ветер осенний, шальной и усталый,
зашумел буйным хмелем в её голове.
Не надеясь на стебель на свой суховатый,
положила головку на желтый порог:
показался пристанищем ей тот измятый,
но широкий и крепкий дубовый листок.
Распрямись же, ромашка! Пусть Ветер бушует,
пусть качает и треплет твои лепестки.
Не поймет лист дубовый твои поцелуи.
Ты умрешь вместе с ним, ты завянешь с тоски!
1984

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

В толпе, в окруженье,
брожу не спеша,
таким одиночеством
стонет душа.
- О чем эти люди?
- Покой да уют!..
А мне мои мысли
уснуть не дают.
А я бы куда-то
в небесную ширь,
где страсти другие,
где сказочен мир,
где птиц увлекает
свободный полет
и нет наших мелочных
клятых забот.

ЗАВЕЩАНИЕ

«Когда меня не будет на Земле,
гляди на свет предутренней звезды,
на серп луны над выступом гряды.
И взгляд мой помни в этой сизой мгле...»
Тебя давно под этим светом нет,
и для других - твой затерялся след
в тревогах бытия.
И только я
ищу твою звезду в густых ночах
и руки помню на своих плечах.
А в глубь сердца твой влюбленный взгляд
не угасает много лет подряд.
...Вдруг так же кто-то вспомнит не во зле,
когда меня не будет на Земле?
1985

Я не умею молиться - не научили.
Мы с барабанами, с песнями бравыми
строим ходили.
Жизнь пятилетними планами мерили,
в героике будней, словам безрассудным
истово верили.
Но, поверяя секреты, - божились
в любви неделимой подруге единой
и - трижды крестились...
Трудна и опасна по жизни дорога.
Коль горе приходит,
то каждый находит
Своего милосердного Бога.
1991

Я, наверное, ведьма...
Тридцать лет я молила о мщении,
а когда это вдруг совершилось, -
как над берегом верба, склонилась
в благодарном поклоне,
моля о прощении...
20.11.1999

Mustela putorius (хорёк)

Лесные хорьки жителям Карелии хорошо известны. Небольшие симпатичные хищники – гроза владельцев кур, разорители гусиных гнезд и убийцы кроликов. Но давно уже во всем мире есть параллельная ветвь этого семейства куньих – хорошие и ласковые друзья, домашние компаньоны, радость для души любителей домашних животных. Неужели такое возможно? Конечно, ведь хорек ввиду развитого интеллекта хорошо обучаем и через несколько поколений становится совсем домашним зверьком. Он не «воняет», не «кусаются» и совсем не «похож на крысу». Это от незнания. Хотите – познакомимся.

Мифы и заблуждения

Хорьки – это грызуны. Самое распространенное заблуждение. Хорьки – это не грызуны, подобные крысам или хомячкам, это хищники, которым мелкие грызуны служат пищей. Хорьки имеют гораздо больше общего с собаками и кошками, чем с грызунами.

Хорьки очень вонючи. В народе хорек считается самыми зловонными после скунса животными; до сих пор в деревнях рассказывают небылицы, как хорек проникает в курятник и выпускает «вонючку», от запаха которой куры падают с насеста, зверю же остается только подобрать их. В действительности же хорьки выделяют секрет в редких случаях – при сильном испуге или возбуждении. От шкурки хорьков исходит специфический мускусный запах, но совсем не сильный.

Хорьки – злобные, агрессивные и кусачие животные, – некоторые люди уверены, что хорьки, даже рожденные в домашних условиях, вырастают дикими, очень злобными и кусаются при первом удобном случае. Это весьма далеко от истины.

Русское заблуждение: «это не хорьки, это – хонорики». Много людей уверены в том, что симпатичные звери, фотографии которых вы видите на сайте – это не хорьки, а хонорики. Действительно, есть такие животные, гибриды между хорьками и норкой, около 20 лет назад их даже разводили в звероводческих хозяйствах. Но это совершенно другие животные.

Эти животные были одомашнены в 450 году до нашей эры – упоминали о них еще Аристофанес и Аристотель. Страбо (63 г. до н.э. – 24 г. н.э.) упоминает о нашествии кроликов на Балеарских

островах в Средиземном море, которое привело к всеобщему голоду. Он описывает некое «ливийское животное», которое жители островов использовали для истребления кроликов, причем применяемая ими методика поразительно напоминала охоту с хорьками в Европе в последующие века. Плиний Старший (23-79 г.г.) и Исидор Севильский (600 г.) также упоминают об использовании хорьков в охоте на кроликов. Возможно, что одомашненных хорьков также содержали при домах для борьбы с грызунами. В Англии хорьки занимают «привилегированное» положение; так, в начале XIII в. их могли содержать исключительно представители высшего духовенства. С развитием мореплавания хорьков начинают активно использовать на торговых и военных судах, моряки относились к полезным хищникам с такой любовью и уважением и так ценили их «работу», что хорек в то время становится символом многих морских ведомств. До сих пор это животное является символом торгового флота штата Массачусетс (США). В конце XIX – начале XX вв. одомашненные хорьки появляются на территории США, куда их завозят десятками тысяч специально для борьбы с грызунами на фермах. В те времена существовала специальная профессия – ферретмейстер. Ферретмейстеры с несколькими специально обученными хорьками выезжали на фермы для уничтожения грызунов. Эта практика, ставшая очень популярной, просуществовала до изобретения эффективных ядов против крыс и мышей, после чего постепенно сошла на нет. В первой половине XX в. повышается интерес к хорькам, как ценным пушным зверям. В Европе и Северной Америке создаются первые фермы для разведения хорьков в неволе.

В начале 1970-х гг. разведение хорьков начинается и в СССР, появляется новая отрасль пушного

звероводства – хорьководство (до этого хорьков в нашей стране добывали только в природе). В последнее время использование хорьков как пушных зверей повсеместно сокращается, и, вероятно, может прекратиться совсем.

Тогда же, в первой половине XX в., появляется интерес к хорькам как декоративным домашним животным, особенно в Европе, Северной Америке и Австралии. Зверьки для домашнего содержания часто берутся в это время со звероферм; например, в Дании почти все современные домашние хорьки являются потомками животных, взятых с датских ферм в 1930-е годы. Таким образом, во многих странах хорьки оказались вторично одомашненными. Популярность домашних хорьков в Европе и Северной Америке резко возросла в 1970-80-е гг. Сегодня в США они занимают пятое место в рейтинге популярности среди других домашних животных.

В России история содержания хорьков как домашних питомцев берет начало, пожалуй, с 1978 г., когда советский зоолог Дмитрий Владимирович Терновский выводит гибрид между хорьками и норкой. Хонорик вызывает сенсации на международных выставках и быстро завоевывает популярность. Появляется мода на хонориков, но так как зверь этот – редкий и мало кому доступный, и, к тому же, агрессивный и приручается очень плохо, люди начинают держать дома хорьков.

Поведение хорьков совершенно особенное, не похожее на поведение других домашних животных. Иногда говорят, что поведение хорьков – нечто среднее между поведением кошки и собаки. Очень приближенно это так. Подобно собакам, они привыкают к хозяину, их можно научить отзываться на кличку, в то же время хорьки обладают достаточно независимым характером. Подобно котам, многие любят ласку и сильно привякают к дому.

Некоторые черты поведения связаны с полом. Так, самки более независимы, меньше привязываются к человеку, но, в то же время, более обучаемы и понятливы. Они игривее и беспокойнее самцов. Самцы сильнее привязаны к хозяину, более спокойны и любят подолгу валяться на коленях у хозяина.

Поведение хорьков меняется с возрастом. Щенки очень активны, непоседливы, игривы и чрезвычайно любопытны. Взрослея, они становятся более наглыми, пытаются занять доминирующее положение над хозяином. После периода полового созревания животные становятся спокойнее, однако игривость и любопытство сохраняют вплоть до глубокой старости.

В этом заключается одна из уникальных особенностей хорьков.

Большинство хорьков – молчаливые звери, и издают звуки либо при сильном возбуждении, в том числе во время игр, либо в случае опасности. Звуки, издаваемые хорьками, можно разделить на гуканье, шипение, скуление, визг, воркование и кудахтанье.

В природе хорьки ведут частично-социальный образ жизни и воспринимают своих хозяев как членов некоего сообщества – стаи, поэтому отношения с человеком строятся примерно так же, как строились бы в группе сородичей.

Во время игры зверьки, приподнявшись на всех лапах, делают выпады в сторону партнера, прыгают на него, борются. Часто хорьки танцуют: выгибают дугой спину, и на почти прямых ногах, задрав голову, совершают прыжки из стороны в сторону, часто издавая при этом гуканье...

Если в Москве живут несколько тысяч домашних хорьков, в Санкт-Петербурге более тысячи, то в нашем городе их пока всего шесть. Но ведь главное – начало положено.

И начало местные хорьки берут в питомнике недалеко от Рускеала.

Четыре года назад там поселилась семья, в которой уже было несколько животных. Появились щенки. А спрос на декоративных хорьков сейчас по всей стране большой – вот и получился питомник (заметим, единственный в Карелии). У братьев Кузнецовых тринадцать самочек и три самца. Раз в год бывает пополнение: у каждой самочки появляются десяток щенков и летом-осенью их можно продавать. Большинство хорят продаются через питерские клубы.

Стоит заметить, что разведение ручных зверей дело серьезное. Не одно поколение хорьков сменилось, чтобы у зверька в генах закрепился ласковый характер, исчезли дурные привычки, чтобы из хорька получился безопасный, дружелюбный любимец семьи. Так вот у Кузнецовых все звери совершенно ручные. И с любопытством, очень свойственным этим животным, они наблюдали за нашим процессом фотографирования.

Взяв в руки это пушистое чудо, хочется бежать с ним домой, тискать, играть. Товарищи для игр из хорьков замечательные. И знатоки это понимают. Есть некоторые особенности содержания животных – для хорошего самочувствия и возможности жить в квартире им необходима кастрация и стерилизация, а также ежегодные прививки. Редко, но бывает, что хозяева отказываются от своего зверька. Нельзя выгонять

его на улицу – ручной зверек сразу же погибнет. Кузнецовым привезли из Питкяранты девочку – надоела, сказали. Самочка оказалась вполне здоровой, симпатичной и смышленной. И теперь у этой отказницы уже несколько щеночков – вот как судьба распорядилась. Но, конечно, большинство любителей домашних животных останавливают свой выбор на хорьках осознанно.

Ответственные хорьковладельцы заботятся об их здоровье и развитии, за что животные дарят им свою любовь и доставляют много радостных минут. Хорькам необходимы игрушки, домики, гамаки и все, чем можно повеселить зверька. Во сне животные проводят до 20 часов в сутки, но оставшееся время активны по полной программе, и будущие хозяева должны знать об особенностях их поведения: хорьки способны залезть в любую дырку, смести все со стола или с подоконника, тонуть в унитазе, нализаться хлорки, вывалиться с балкона, выкопать все любимые цветы и устроить туалет в диване. Правда, если предусмотреть эти особенности и сделать совместную жизнь безопасной для обеих сторон, то хорек покажется самым лучшим партнером среди домашних животных: его игривость не уменьшается с годами как у кошек, его не обязательно выгуливать как собаку; при правильном воспитании он пользуется кошачьим туалетом. Обязательная кастрация устраняет специфический запах животного. Вот пример. В нашей семье уже почти три года живут хорьки Комплект: мальчик и девочка. Девочка маленькая попрыгунья и подлиза, всегда просится на ручки, любит спать на коленях. Мальчик толстый –непоседа, игрун, в общественном транспорте ведет себя достойно, серьезно глядя с плеча на окружающих. В доме со временем пришлось произвести изменения интерьера, чтобы ребята не могли залезть на подоконник и выкопать любимые цветы, стулья на кухне заменить на табуретки, которые стоят на удалении от стола (сколько посуды было разбито забравшимся на стал хорьком); все, что не приколочено, может оказаться спрятанным хорями: тапки, носки, прочие мелочи. Но разыскать это не сложно в диване, под креслом, в домике у зверей. Приходится быть очень внимательными в совместной жизни даже закрывая-открывая двери, а вдруг под удар попадет нос или хвост любимца? А входная дверь, как в фильмах ужасов, всегда должна быть закрыта – мелкий зверек пулей может вылететь в подъезд, на улицу и, конечно, найдет там много любопытного, чтобы

не возвращаться домой.

Можно кормить хорьков сухим кошачьим кормом, в сортавальских зоомагазинах он есть, но здоровое питание подразумевает смесь видов мяса, витамины и некоторые добавки. Это зверушки трескают с удовольствием. Кстати, не так уж и много: на день хватает две столовые ложки мяса на голову. Приходя с работы, видя встречающих тебя радостных хорей, играющих или выпрашивающих вкусняшку, думается, что это небольшая плата за радость, которую наши ребята дарят нам совершенно бескорыстно.

2 января этого года и в нашем городе прошли хориные гуляния. Малочисленные правда. Любопытных было раз в десять больше, чем хорьков. Ввиду холодной погоды долго пообщаться не удалось, и зрители не увидели большую часть талантов наших чудесных звериков: как мы умеем прыгать, стоять на задних лапках и кувыркаться. Хотелось бы всем собраться летом. Будут предложения? Звоните: 2-51-71.

В России есть несколько интернет-сайтов, где общаются владельцы хорьков, в Санкт-Петербурге стали традиционными хориные гуляния в Парке Победы, куда каждую субботу собираются десятки хозяев со своими «девочками» и «мальчиками» – так зовут они своих любимцев – и десятки зрителей этого впечатляющего зрелища. С прошлого года официальным в Питере объявлен День хорька, проводимый в ЦПКиО, с выставкой, «дефиле» и «аджилити». Говорят, к хорькам мироволит губернатор области Сердюков: его даже видели с девочкой-хорьком по имени Шнура на руках. Но все-таки это не слишком убедительно, да и бог с объяснениями совсем: пусть останется в природе тайна.

Владельцы хорьков просто обязаны обладать чувством юмора. Вот, например, интернетские наблюдения неизвестного автора:

«Вам просто необходимо завести хорька, чтобы жить без выходных и никогда не расслабляться. Утром и вечером кормежка и уборка будут ждать вас... Круглосуточно и даже на Новый год. Вы не сможете ездить в отпуск и командировки. Ваша жизнь превратится в два мероприятия: кормить, убирать. Кормить. Убирать. Кормить. Убирать.

Этот цикл никогда не закончится. И, кроме того, с ним еще придется гулять и играть. Причем игры должны быть полноценные и насыщенные, бодрые и энергичные, с обязательной проверкой всех дальних углов квартиры с целью найти ключи от машины, пульт от телевизора и старые засохшие заготовки пищи. Прогулки должны быть долгими и интересными, с постоянным обозрением окрестностей на предмет любопытных прохожих, кошек, собак, детей, шуршащих пакетов, помоек и открытых люков. Забудете о пьянках, дискотеках, ночных загулах и сне до обеда. Для вас станет гораздо важнее не какой коньяк покупать, а когда и сколько поел ваш хорек. И если прошло уже более 12 часов, то вас не спасет даже харакири. Потому как совесть. А пьяных мы не любим, и от курева мы чихаем и смотрим страдальческими глазами. А от просьбы перестать грызть клетку, отказываемся тихо, но категорично. Типа — я лучше у вас под ногами попутаюсь и за пятки покусая, а то вдруг вы спать удумаете.

Приготовьтесь к новым ночным кошмарам. Самые ужасные из которых, это когда вам приснилось, что ваш хорек упал с балкона, или закончилась фаршекаша. Хотя вы буквально на днях купили 20 кг этих долбанных цыплят и притащили их на своем горбу на 5 этаж. А они внезапно закончились.

Начнете хорошо разбираться в минеральных добавках и витаминах. Научитесь измерять хорьку температуру методом засовывания градусника ему в попу, и смотреть, как и чем он какает. Станете специалистом по стрижке когтей, чистке ушей, купанию, вливанию глистогонки и вытаскиванию из пасти всякой дряни, включая такие лакомства как грязные носки, куски резины, провода, объедки из мусорного ведра.

Запах гонного самца будет вызывать умиление, но ваша одежда будет пахнуть им тоже. Не говоря уже про то, что хорьки умеют ароматизировать помещение. Это сюрприз. Подается при гостях. В общем, физиологические радости на уровне санитарки из дома престарелых.

Так понимаю, что жуть в виде выставок вам не грозит? Хотя в одном повезло. Но если что — обращайтесь. Ветки с мылом — в ассортименте. Вам следует подготовиться к постоянному чувству вины перед хорьком. С ним никто не играет, не разговаривает, не гуляет. А вечером, когда вы приходите, вам хочется только одного — залечь. Или спокойно посидеть в кресле и выкурить сигарету. В тепле. В чистоте. В тишине. И чтобы весь мир провалился в тартарары. А тут некто

лезет целоваться, кидается на тапки и требует активных игр. И чтобы с беготней, отниманием игрушек, догонялками и умилением.

Причем этот некто никогда не упрекнет вас, что самое противное. Ну хоть бы раз проорался, стукнул лапой по столу. Так нет. Сидит, боготворит. Редко позволяет себе укор лишь в виде жалобного взгляда: «...открой клетку, родненький... ну родненький... ну, пожалуйста, я немножечко...» Хочется рыдать и таскать себя за волосы за садизм и издевательство над живым существом. Кстати, сволочью вы будете ощущать себя часто. Гарантирую. Особенно, когда ребенок хочет залезть в помойку, а низзя.

Научитесь собачиться с бабушками, дворниками и прохожими, которые смеют утверждать, что хорьки воняют и кусаются. Вы наловчитесь посылать их так далеко, что их придется искать с собаками.

Разовьете в себе редкий дар угадывать, чем занимается хорек в темноте. Потому что ваш хорек может в этот момент: а) что-то жрать; б) мышковать; в) мирно какать; г) рыться в шкафу; д) копать любимый цветок; е) купаться в миске; ж) делать что угодно, особенно то, что нельзя.

Ваш дом превратится в помойку. Вы поднатореете в пылесосении на коленях, чтобы по миллиметрам выдирать из ковра землю. А подметать вам будет нечем, ибо веник давно разодран, а где дают новые, вы понятия не имеете.

Привыкнете к запаху и гуканью. Или шипению на гостей. Гости вас скоро перестанут беспокоить. Очень скоро вы будете представлять собой или лакомый кусок для анатомического театра: царапины, пожеванные нос, уши и пальцы. Или сможете баллотироваться в армию на чин ведущего парада: вы наловчитесь гаркать хорьку команды так, что стекла во всех окрестных девятиэтажках будут вибрировать от ужаса.

Очень скоро из компанейского человека вы превратитесь в нелюдимого безумного хорятника, выходящего из комы только при словах «прививка», «гон», «кастрация». Вы станете интересным собеседником, любой разговор сворачивающим на тему блох и корма. Вы напрактикуетесь ухаживать с пьянок в самый разгар, бормоча: «У меня хорек...». Через пару месяцев вас уже не будут никуда приглашать, а если придете по своей инициативе, то своими глазами увидите финальную сцену гоголевского «Ревизора».

Настроитесь на то, что хорек все время будет путаться под ногами и ходить за вами как хвостик.

Даже в туалет. И положив голову на пол, задумчиво смотреть вам прямо в глаза. А то и вовсе задумчиво нюхать воздух... Ладно, это уже детали. Вы научитесь спать столько, сколько спит ваш хорек. И вставать без будильника. И засыпать без поцелуя на ночь. Потому что любовницы в этом дуэте лишние. Вы откроете в себе способность уюсюкать, улюлюкать, повторять фразы по нескольку раз без изменения интонации, придумывать невообразимые прозвища и говорить слова «Толстый» и «Жопа» с такой нежностью, что сотрудницы секса по телефону будут записываться к вам на тренировки. К тому же через пару месяцев у вас начнут появляться неудобные мысли завести второго хорька...».

...Вся эта как бы не очень серьезная история с хорьками на самом деле важна. Она – часть бурления всех малых, милых, ни от кого не зависящих форм жизни – начиная от устройства огородов на крышах многоэтажек и заканчивая движением велорикш. Эта история показывает, что жизнь неизменно многообразнее представлений о ней. А в минуту, когда на сердце тяжесть и холодно в груди, ничто так не поднимает настроение, как посещение сайта «про хорьков и для хорьков» вроде horek.ru: «Про пушистых про зверьков/ Про приятелей моих/ Самых лучших – про хорьков/ Расскажу сейчас я стих».

Единственное, от чего хотелось бы предостеречь – от немедленного приобретения зверя в дом. Как говорят знающие хореведы, это не игрушка, а большая ответственность. И те сортавальцы, в домах которых сейчас сладко спят или мышкуют хорьки, подтвердят эту истину.

Изображения хорьков в произведениях искусства встречаются с давних времен, что лишний раз говорит о том, что эти зверьки были домашними любимцами и приносили человеку немалую пользу. Такие мастера, как Леонардо да Винчи, Паулус Поттер и другие великие художники увековечили одомашненных хорьков на своих полотнах.

Текст - С. Григорьева фото - В. Рыжов

Рускеала

В 30 км от г. Сортавала в сторону Российско-Финляндской границы, вблизи поселка Рускеала находятся известные многим жителям Карелии и туристам Рускеальские мраморные каменоломни - памятник истории горного дела конца XVIII - первой половины XX веков.

Судьбы многих рускеальцев и сортавальцев связаны с добычей и переработкой рускеальского мрамора. С 2002 года на базе самого крупного и красивого карьера Рускеалы был создан Горный парк, который теперь ежегодно посещают тысячи туристов. Историей Рускеальских каменоломен уже около пятнадцати лет занимается Региональный музей Северного Приладожья. Собран большой архивный материал, который может стать основой для будущей книги по истории рускеальского мрамора. Альманах «Сердоболь» решил опубликовать часть собранного материала. В этом номере пойдет рассказ о том, как было открыто Рускеальское месторождение мрамора.

История Рускеальской мраморной каменоломни в документах XVII-XVIII вв.

240 лет назад, в январе 1768 года, императрица Екатерина II издала указ о начале добычи мрамора в Рускеала. На протяжении столетий рускеальский мрамор цвета белых ночей, иногда с зеленоватыми всполохами, похожими на северное сияние, добывался для украшения самых различных сооружений России. История Рускеальских мраморных каменоломен, расположенных вблизи поселка Рускеала, в 30 километрах от города Сортавала, несмотря на все усилия исследователей, до сих пор таит в себе много тайн. Поэтому журнал «Сердоболь» решил в этом номере рассказать о том, когда и как зарождалась добыча мрамора в Рускеала, и какую роль в этом большом деле сыграл один из бывших жителей Сердоболя.

Впервые в документах Рускеала упоминается в 1500 году в Переписной окладной книге по Новгороду Водской пятины Корельского уезда как небольшая и неприметная деревушка в составе Никольско-Сердобольского погоста. Рускеала состояла тогда из нескольких дворов, располагавшихся на узкой террасе левого берега реки Русколки (с конца XIX века – Тохмайоки), у подножья мраморной горы. Можно предположить, что рускеальцы давно знали о местном белом камне, который в огне легко рассыпался в белый известковый порошок.

Вероятно, название деревни Рускеала произошло от карельского слова «рускеа» – коричневый, поскольку вокруг селения много ярко-коричневого песка, обогащенного гидроокислами железа.

В 1632 году, во времена шведской оккупации, в Рускеала была построена часовня, а позже – церковь, подчинённая приходу в Китее. Исследователь Д. Семёнов в 1863 году приметил

вблизи Рускеальских каменоломен камень с выбитой надписью «1632» (Семёнов Д. Путевые заметки по Финляндии, 1863).

Во второй половине XVII века шведы заложили на мраморной горе каменоломни, в которых стали понемногу добывать мрамор для жжения строительной извести. Этот факт до недавнего времени был неизвестен, и, по официальной версии считалось, что Рускеальское месторождение мрамора было открыто только в 1760-е годы сердобольским пастором Самуилом Алопеусом. Бывший сотрудник Регионального музея Северного Приладожья Алла Фёдоровна Бояринская, работая в середине 1990-х годов в архивах Санкт-Петербурга, обнаружила в отделе картографии библиотеки РАН среди «Собраний карт главнейших шведских баталий» интересную карту на шведском языке под №34, датированную между 1718 и 1730 годами. На этой карте была показана новая граница между Россией и Швецией, установленная по Ништадскому миру в 1721 году. Тогда рубеж двух государств проходил всего в нескольких километрах к западу от Рускеала. На карте в районе мраморной горы было нарисовано три маленьких кружочка с надписью Marmorbrottet (мраморная каменоломня).

Более подробные сведения о времени, когда Рускеала входила в состав Швеции, пока найти не удалось, так как в 1691 году церковный архив Рускеала сгорел вместе с усадьбой священника.

После окончания Северной войны, значительная часть земель Корельского уезда была отдана императором Петром I в частные владения. Территория Рускеальского церковного прихода, получившего свою независимость в 1721 году, была

Здесь, в 1766 году, началась добыча русшанского мрамора

подарена князю, будущему фельдмаршалу Александру Борисовичу Бутурлину. Для обработки подаренных земель князь переселил часть своих крестьян из центральных районов России. В 1754 году в Рускеала и прилегающих хуторах проживало 1945 человек. К этому времени торговый путь из Финляндии к Ладожскому озеру через Сердоболь получил значение почтового тракта. Тогда на берегу реки Русколки, около моста, была построена почтовая станция.

Старые шведские каменоломни в Рускеала, заброшенные перед началом Северной войны, долгие десятилетия оставались заброшенными. Правда, иногда рускеальцы ломали в них мрамор для производства строительной извести, которую вывозили на продажу в Сердоболь.

Камень для строительства Санкт-Петербурга искали в России еще при императрице Анне Иоанновне. В 1735 году Российская Академия Наук заключила с иностранцем, каменных дел мастером Яковом Стейном договор «о поисках, разведках и опробовании разных камней в Российском государстве» (Броницкий М.Ф. «Камень в архитектуре Санкт-Петербурга XVIII-XIX веков», Ленинград, доклад 19.05. 1948). Яков Стейн в основном работал на Урале, где в конце 1730-х годов было обнаружено несколько месторождений мрамора. Но в ходе своих экспедиций мастер мог оказаться и в районе Сердоболя, известном своими залежами мрамора и гранита. Однако, промышленной добычи камня в Карелии, в отличие от Урала, еще не было долгое время, до конца 1760-х годов.

В царствование императрицы Екатерины II по предложению академика М.В. Ломоносова начались астрономо-географические исследования на всей территории России, в ходе которых проводилось межевание земель, составлялись планы многих городов, собирались «Исторические и топографические описания» местностей. В этой работе на благо Отечества приняли участие не только ученые и землемеры, но и местная интеллигенция – чиновники, учителя, священники и прочие просвещенные любители из разных слоев населения. Самое пристальное внимание исследователей привлек Русский Север и Карелия, как ближайший к столице регион.

Строительство Санкт-Петербурга требовало большого количества природного камня, в том числе мрамора и гранита. Уже в начале 1760-х годов вновь отправляются экспедиции на Урал, где оказались брошенными ранее разрабатываемые мраморные месторождения. Не осталась без внимания и Выборгская губерния, расположенная в непосредственной близости от столицы. В 1764 году Екатерина II подписала указ «Об учинении новой ревизии в Финляндии». Посланные в Выборгскую губернию ревизоры под начальством советника правления Гибертовского нашли эту область в крайне бедственном положении, отметив низкий уровень

хозяйства, недород хлеба, бедность населения, но, совершенно не обратив внимания на её лесные и каменные богатства. В то время в Сердоболе жил и трудился проповедник евангельско-лютеранской веры пастор Самуил Алопеус. Это был незаурядный человек, о котором хотелось бы рассказать подробнее.

Родился Самуил в 1720 году в семье восточных финнов, потомственных священников, хотя прародитель рода Туомас Кеттунен был крестьянином. В средние века его внуки перевели свою фамилию на латинский язык и стали называться Алопеусами. Самуил окончил академическую гимназию в городе Або (Турку), после чего недолго работал учителем иностранных языков в Выборге. В 1751 году Алопеус был направлен Выборгской консисторией в Санкт-Петербург проповедником евангельско-лютеранской веры у финских прихожан. Четыре года пастор служил в церкви Св. Марии, за рекой Мойкой. В 1755 году, в возрасте 35 лет, Алопеус был направлен проповедником в Сердоболь, который в те годы представлял из себя небольшую деревушку с заглохшей торговлей. На мысу Кирккониemi (Церковном), примерно там, где сейчас находится «Верхний рынок», стояла небольшая лютеранская церковь, построенная в 1740 году. Приход был малочисленным и бедным, и пастору предстояло немало потрудиться во славу Бога для укрепления христианской веры.

Самуил Алопеус был не только священником, но и пытливым до всего исследователем. Он с юности полюбил минералы и в течение своего служения Церкви интересовался возможностью их практического применения на благо государства. Совершая поездки к своим прихожанам, пастор собрал ценные сведения о природе, хозяйстве и населении края, которые он впоследствии обобщил в своей книге под названием: «Краткое описание мраморных и других каменных ломов, гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии», вышедшей в печати в 1787 году. За свой труд как исследователя Самуил Алопеус был принят в 1789 году в члены Вольного экономического общества, где опубликовал девять своих работ по истории, природе и экономике края. Умер пастор в Сердоболе в 1794 году, дослужившись до старшего пастора Южной Карелии.

Еще в 1764 году, выполняя правительственную программу по сбору информации в регионах, а также истинно желая процветания территории Южной Карелии, Самуил Алопеус подготовил записку под названием «Краткая история естественного свойства древностей и хозяйства сей земли», которую он отправил в Выборг. В этом документе пастор обратил особое внимание на значительные запасы строительного камня вблизи Сердоболя, тем самым опровергнув официальное мнение о бедности края. Получив от земских эмиссаров и проповедников точные топографические описания каждого прихода

Выборгской губернии, господин Энгельгард составил полное описание своей губернии и предоставил его Екатерине II.

Уже на следующий год в Выборгскую губернию для осмотра месторождений камня из столицы был направлен подмастерье каменных дел Андрей Пилюгин (Алопеус, 1787). В Санкт-Петербурге началось строительство Академии Художеств, для чего срочно потребовался природный камень. В июле 1765 года Андрей работал под Выборгом, изучая тамошние граниты рапакиви, а в августе – прибыл в Сердоболь для осмотра мраморов, о которых годом раньше сообщал Самуил Алопеус. Сердобольский пастор подробно рассказал Андрею о залежах мраморов в Рускеала и Йоенсу (Лесозавод) и дал ему грамотных проводников. Пилюгин тщательно осмотрел выходы мраморов и, отобрав небольшие пробы камня, в начале сентября вернулся в столицу, в Экспедицию Строения Академии Художеств.

Рускеальский мрамор понравился проектной комиссии, и уже в октябре того же года Андрей Пилюгин вновь приехал в Рускеала для проведения дополнительных исследований, отбора новых проб и определения места закладки опытного карьера.

В конце января 1766 года Самуил Алопеус отправил в Выборг письмо со своими предложениями по организации добычи камня в Рускеала. Приехав следующей весной в столицу, пастор убедился, что его предложения были приняты к сведению, и на основании их Пилюгину от Канцелярии Строения дана была инструкция по дальнейшей организации работ. Тогда же в Выборгскую Губернскую Канцелярию из столицы был послан указ, согласно которому «все рабочие люди, по причине бедности вышедшие из Карелии для снискания себе пропитания в других провинциях, были обратно призваны и употреблены для ломки камней, и чтобы никому из них впредь не давать паспортов» (Алопеус, 1787).

В конце июня 1766 года Пилюгин вновь приехал в Сердоболь, но уже не один, а с четырьмя каменотесами. На выданные Канцелярией Строения 800 рублей, он через Алопеуса нанял двадцать работников для ломки мрамора в Рускеала и Йоенсу. Вначале экспедиция отправилась в Йоенсу на небольшой островок Аресаари в устье реки Янисъйоки, где заложила опытную каменоломню. Сейчас этот островок называется Калккисаари. 11 сентября первые пробы мрамора с острова Аресаари были отправлены в столицу. В начале октября следом за ними Алопеус отправил еще один сойма-бот, груженный девятью мраморными блоками.

В Рускеала мрамор стали добывать лишь после того, как закончили работы на острове Аресаари, а именно 9 августа 1766 года. В конце октября работы на мраморных ломках в Рускеала были приостановлены по причине израсходования выделенных для этого средств. Чуть позже директор

Канцелярии Строения, президент Академии Художеств, действительный тайный советник И.И. Бецкой выдал пастору Алопеусу за понесенные им «великие труды, поездки, издержки, переписки» 100 рублей. Андрей Пилюгин также был отмечен – в 1767 году он был произведен в мастера каменных дел (РГИА, ф. 789, оп. 15, д. 84, л. 4).

Последний раз Андрей Пилюгин побывал в Рускеала в феврале 1767 года. Тогда вместе с ним приехал машинист Кане, который тщательно осмотрел реку Русколку на предмет установки на ней «пильной и шлифовальной машины с другими строениями» (Алопеус, 1787). Летом 1767 года Пилюгин возглавлял организованную Канцелярией Строения экспедицию в Санкт-Петербургскую, Выборгскую и Новгородскую губернии по поиску камня для пьедестала памятника Петру I, но найти подходящий монолит ему не удалось. Это сделал позже полковник Иван Васильевич Зверев, также принимавший участие в организации добычи мрамора в Рускеала.

Жизнь Андрея Пилюгина, мастера каменотёсного дела, стоявшего у истоков камнедобывающего производства Южной Карелии, закончилась трагически. Этот интересный, работоспособный человек мог бы еще многое сделать для блага России, но ему суждено было погибнуть в полном расцвете сил. 22 сентября 1770 года Андрей был в гостях у академического консьержа Рафаила, дом которого находился по улице Миллионной в Санкт-Петербурге, и поссорился там по какой-то причине с мастером каменных дел итальянцем Жаком Батистом Раджали. При выяснении отношений Раджали в порыве гнева нанес Андрею ножевое ранение в сердце, оказавшееся смертельным. Через неделю, 29 сентября, Андрей Пилюгин скончался. Полиция расценила данное происшествие как несчастный случай (РГИА, ф. 789, оп. 15, д. 17, 1770 г.)

Вернемся в Рускеалу. 13 сентября 1767 года в Сердоболь из столицы приехали горные инспекторы – гвардии капитан Кожин и полковник Иван Зверев. Они встретились с пастором Алопеусом и попросили его сопровождать их на начатые мраморные ломки в Йоенсу и Рускеала. Тогда же сердобольский пастор показал высоким гостям выходы мрамора в пяти верстах на юг от Сердоболя, на территории современного туркомплекса «Дача Винтера». Итогом поездки столичных инспекторов стала составленная ими «Обстоятельная ведомость», которую они, по возвращении в Санкт-Петербург, преподнесли генерал-порутчику графу Якову Алексеевичу Брюсу.

На основании доклада графа Брюса, 19 января 1768 года императрица Екатерина II подписала указ Сената: «Об изготовлении мрамора и дикого камня на строение Исаакиевской церкви в Кексгольмском уезде погостах Сердобольском и Рускеальском с устройством там шлифовальных мельниц» (РГИА, ф. 1310, оп. 1, п. 50, л. 18, 19, 1768).

Суть данного указа заключалась в следующем. Во-

первых, в нём говорилось о том, что необходимо начать добычу мрамора и «дикого камня» (гранита) в Рускеальском и Сердобольском погостах Кексгольмского уезда, а также в других местах по берегам Ладожского (Йоенсу) и Онежского (Тивдия) озер для украшения Исаакиевской церкви и других зданий Санкт-Петербурга. Во-вторых, на мраморных месторождениях в указанных местах необходимо построить для пиления и шлифования камня мельницы, и для работы на них нанять по контрактам «механического искусства мастеров», а для присмотра за рабочими – одного или двух офицеров.

В документе также указывалось, чтобы местные власти, на землях которых производилась ломка мрамора, оказывали всяческое содействие горным работам. Для производства работ по мрамору с Екатеринбургских заводов должны были быть присланы каменотесы.

По другому указу Екатерины II Рускеальские мраморные ломки были переданы в том же 1768 году в ведение Канцелярии Олонецких Петровских заводов.

В конце июня 1768 года в Рускеала вновь приехал капитан Кожин, а вместе с ним – машинный мастер Генрих Дункель, которому поручалось поставить на реке Русколке «машину для пиления и полировки камней» (Алопеус, 1787). В течение месяца Кожин наблюдал за добычей мрамора в Рускеала и Йоенсу, и установил, что с глубиной качество мрамора становилось лучше. Из самых хороших кусков мрамора, добытых в каменоломнях, мастер Бергер выполнил «постамент, где должны были храниться медали и надписи в память заложения Соборной Исаакиевской церкви», несколько мраморных столов и «другие малые работы для опыта».

Находясь в Рускеала, капитан Кожин «учредил при ломках дальнейшую работу», заложил строения для пильных машин, дом с квартирами для офицеров, мастера и надзирателя, казармы для рабочих и солдат и многие другие сооружения. 21 июля он выехал в столицу, взяв с собой изготовленные Бергером мраморные работы. Екатерина II высоко оценила труд капитана Кожина и пожаловала ему титул Статского Советника.

В августе 1768 года Статский Советник Кожин опять приехал в Сердоболь и привёз с собой четырех итальянских каменотесов, которые должны были остаться мастерами при мраморных каменоломнях. Мастером в Рускеала был назначен Минзиахи.

Осенью того же года в Сердоболе по распоряжению Кожина был построен экспедиционный дом с квартирами для капитана, прапорщика и казначея, казармы для унтер-офицеров и солдат, разные хозяйственные строения.

С этого времени все три мраморные каменоломни Карелии – в Рускеала, Йоенсу и Тивдии – стали давать камень для украшения столичных дворцов и храмов, и, в первую очередь, для Исаакиевского собора.

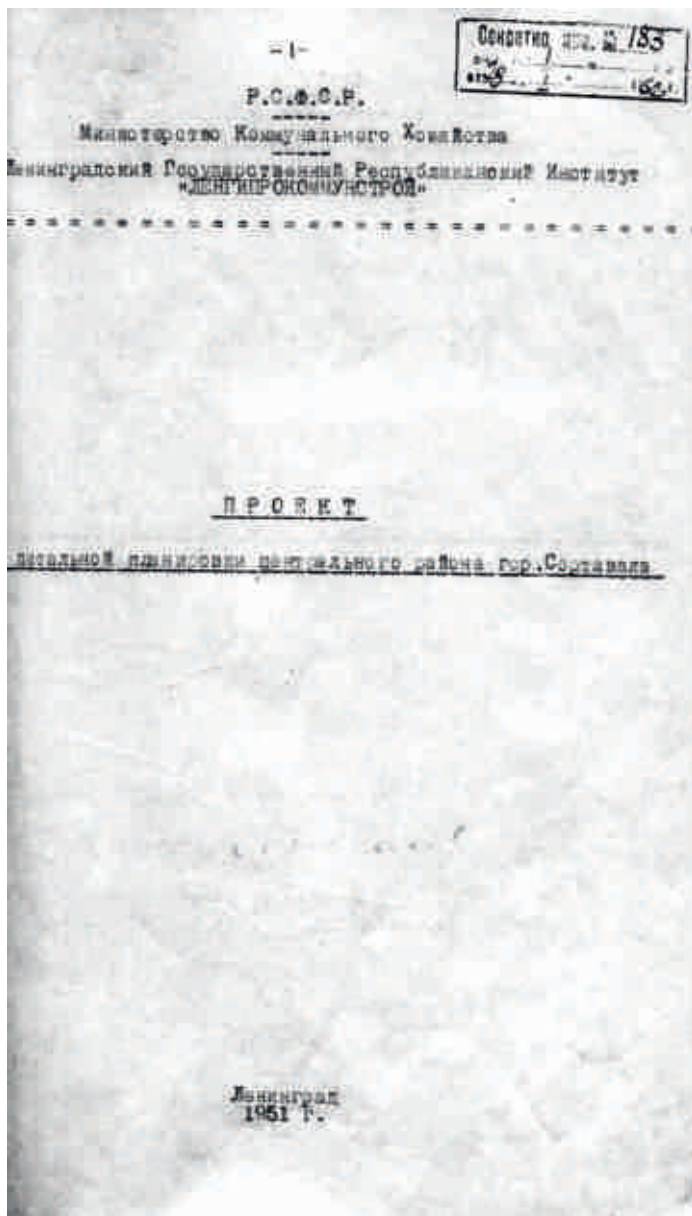
Игорь Борисов

Паславинский топографический план города (и статьи "Воспоминания о будущем")

Воспоминание о будущем

Так назывался научно-фантастический документальный фильм, с огромным успехом шедший на экранах СССР в 70-е годы прошлого века. В нем рассматривались гипотезы инопланетного вмешательства на примерах выдающихся сооружений древности (исполинские фигуры острова Пасхи, египетские пирамиды и проч.) Зрителей поражали необыкновенные проекты прошлого и тайны их воплощения.

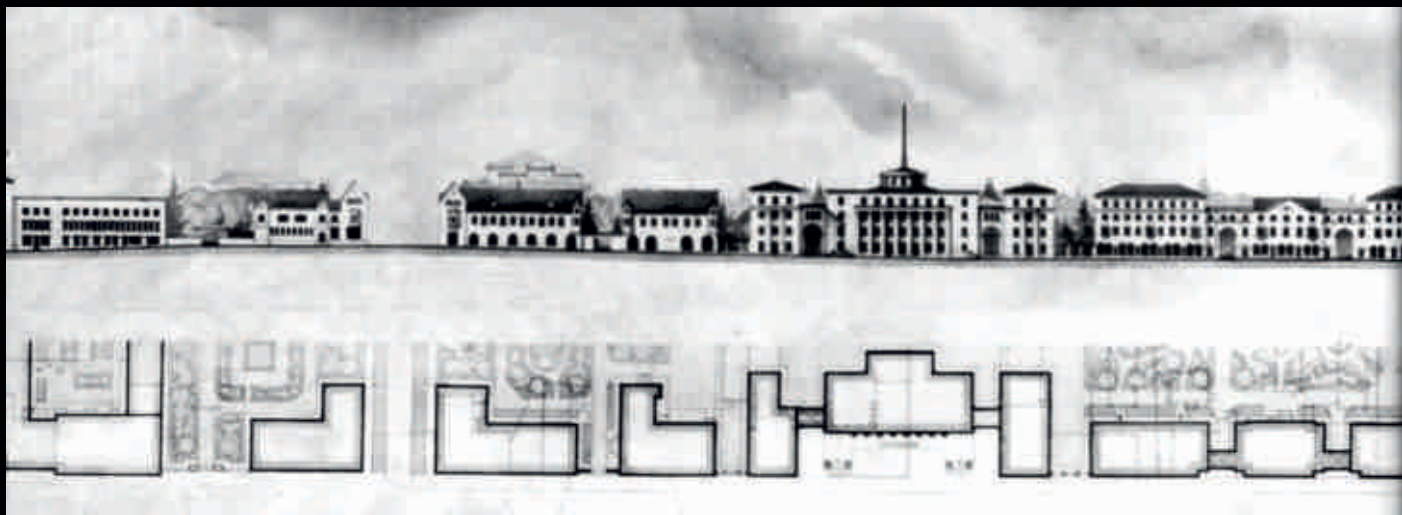
Нечто подобное испытываешь, просматривая Генплан г.Сортавала, 1951 года. Неужели он мог осуществиться, и город стал бы шедевром «сталинского ампира» с карело-финским национальным колоритом? Сказочная картина открылась бы путешественнику в карельских лесах и ладожских шхерах. Каменные набережные и парусный фрегат, помпезное здание Дома Советов и специальный дом для управления санаториями. Просто северный «город Солнца»! Наверное, множество радостных людей повстречалось бы ему. Да и как не быть таковым в месте, где все предусмотрено для спокойной и счастливой жизни: пивоваренный завод и банно-прачечный комбинат, Дом партпросвещения и районное управление МВД и МГБ. И даже своя электрическая мельница у обитателей городка имеется. Не пропадут!

Но не суждено лицезреть мечту. По какой причине лишились жители подобной жизни? Может, не берегли секрет своего плана? Нет ответа...

В. Рыстов.

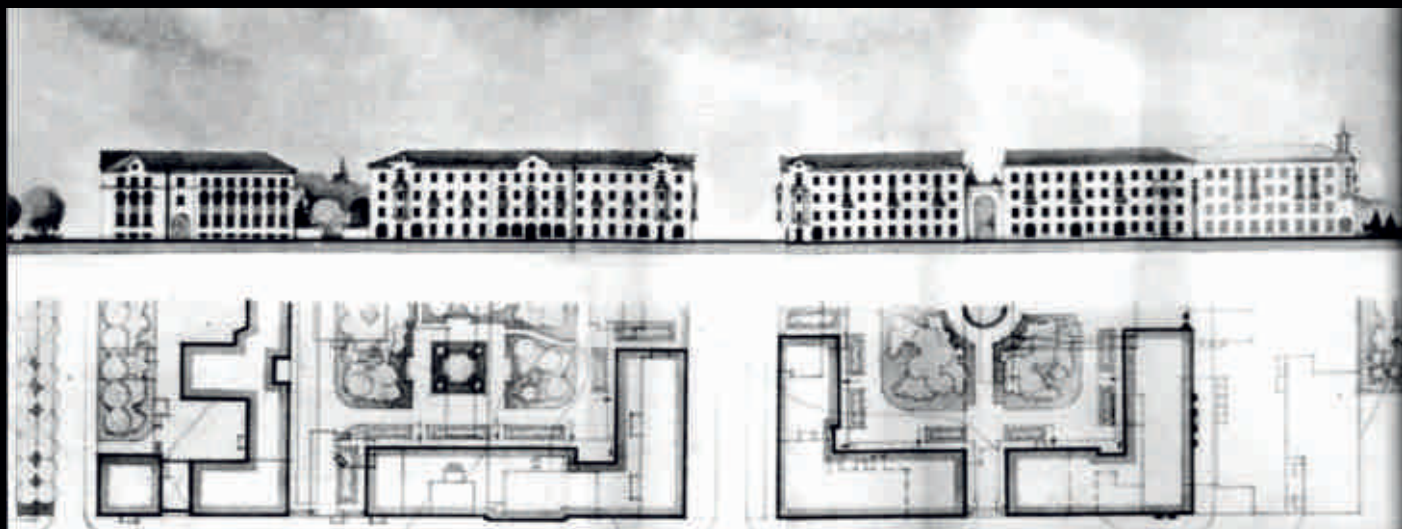
«Карельская улица, будучи главной магистралью города, свяжет центральный район с другими районами города. На пересечении Карельской улицы с железнодорожной веткой, идущей к промпредприятиям и товарной пристани, проектируется путепровод с пропуском городского транспорта над железнодорожными путями, а для улучшения транспортной связи с западным районом на пересечении Выборгского переулка с железнодорожными путями предусматривается устройство путепровода с пропуском уличного движения под железной дорогой. Закрывающийся переезд... на продолжении улицы Ленина заменится тоннелем для пешеходов, который свяжет центральный район с парком и стадионом». /из 3 раздела проекта/

1951 год. Перед нами удивительный документ: "Проект детальной планировки центрального района г.Сортавала. Заказчик: Управление по делам Архитектуры при Совете Министров Карело-Финской АССР. Исполнитель: Ленинградский Государственный Республиканский Институт "ЛЕНГИПРОКОММУНСТРОЙ". Прошло всего лишь 6 лет, как закончилась разрушительная Великая Отечественная Война. А ведь ПДП (так сокращенно проектировщики называют этот документ) не первичен т.к. ему предшествует «Генеральный план развития города», который и был разработан и утвержден в 1950 году. Но еще раньше, в 1947 году Ленинградским филиалом Госинжпроекта

была выполнена топографическая съемка в масштабе 1:2000. Значит через год после войны руководство республики озадачилось крупномасштабными проектными работами по нашему городу.

Но вернемся к Проекту детальной планировки, Он охватывает всю историческую часть застройки. Проектом предусматривался снос всех деревянных домов реконструкция каменных, вся новая застройка планировалась 3-4 этажной. В зданиях размещался весь комплекс административно-хозяйственных учреждений, а так же Дом культуры, кинотеатр, ресторан, гостиница и школы. Детские сады-ясли размещались в первых этажах зданий.

Не углубляясь в технико-экономические обоснования, попробуем рассмотреть архитектурно-планировочные решения и оценить целесообразность решений предложенных более полувека тому назад. А главное: что же все таки было реализовано? Итак планировка .вернее перепланировка кварталов застройки. Если бы проект реализовался, то предполагаемое укрупнение кварталов уничтожило бы ул.Чкалова и частично ул. Кирова и ул. Октябрьскую. Наша историческая треугольная площадь Кирова изменила бы свою конфигурацию. Развертка по ул. Карельской наглядно показывает, как она должна была выглядеть по замыслу авторов. Узнаваемыми являются только

здания администрации, Сбербанка и почты. Помпезное здание со шпилем, в котором должен разместиться Дом Советов перегораживает ул. Кирова. Как видим застройка достаточно однообразная. Однако есть и положительные моменты: нет увлечения гигантоманией, застройка в 3-4 этажа сопоставима с масштабом исторического центра и существующей застройкой. А стропильные скатные кровли показывают, что плоские совмещенные крыши еще, к счастью, не завладели умами архитекторов. Здесь же стоит отметить, что покрытие тротуаров планировалось сделать асфальтным, а вот проезжие части в основном должны быть щебеночными.

Исключение составляли ул.Карельская, Вайнемаянена, площадь Кирова и Вокзальная площадь.

О вокзале надо сказать отдельно. Железнодорожный вокзал объединялся с автовокзалом и переносился через пути к Выборгскому шоссе. Центральная его часть со шпилем как бы замыкала ул.Карельскую. Ничего не скажешь -абсолютно правильное решение. Железнодорожный и автомобильный везды в город находятся на главной магистрали, доступны для пешеходов и транспорта, а так же сам вокзал является мощным архитектурным акцентом в застройке города. Но... Идея о переносе вокзала "витала" еще в 80-х годах прошлого века, но затем зачахла и совсем пропала, и теперь мы имеем то, что имеем...

Есть еще один неприятный фактор, связанный с железной дорогой. В центральной части города целых три пересечения улиц с ж/д путями. Неудобно? Более чем! Так вот, полвека назад эта проблема решалась " элементарно" и красиво. Пересечение с ул.Карельской в районе нижнего рынка? Прямо от Садовой улицы автомобильный виадук легкой дугой перелетал через ж/д пути и плавно опускался за Братской могилой. Хорошо? Замечательно!

Другое пересечение с ул.Кайманова в ж/д поселок, здесь решение не такое элегантно, но тоже ничего. Здесь предполагалось наоборот: автотранспорт пропустить в тоннеле под ж/д путями!

А вот пересечение с ул.Ленина совсем закрывался для проезда, Просто устраивался пешеходный путепровод для прогулок горожан в парк.

И, наконец, сплошные положительные эмоции вызывает раздел благоустройства и озеленения территории Почему то тогда (повторюсь: 50 лет

назад) было всем понятно, что неприкасаемый фонд города -это прибрежная полоса вдоль залива, что именно эти территории надо беречь и использовать исключительно под парковую зону на благо всех жителей города. Поэтому в южной части города скверик у гостиницы и скверик у школы плавно присоединялись к набережной. А в северной части сохраненные бульвары улиц Садовой и Антикайнена, сквер у библиотеки замыкались в общее зеленое кольцо с набережной. Центром и главным акцентом являлась площадь у водного причала. И все это великолепие обрамляла гранитная подпорная стенка с удобными спусками к воде и местами отдыха. Нравится? Доживем ли?

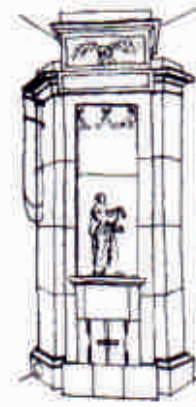
Реализовались ли эти планы? Как мы видим, к счастью, нет. Почему "к счастью"? Ведь все было задумано так славно? Все просто. Положим на одну чашу весов и вокзал и путепроводы, и застройку в 4 этажа, а на другую все то, что нам досталось в наследство от прошлых поколений, я имею ввиду историческую застройку, включая в первую очередь бесценные деревянные постройки и, без сомнения вторая чаша окажется куда весомее.

Но мы оказались нерачительными наследниками, Мало того, что жалкие потуги реализовать ПДП и построить что то свое выразилось в таких " шедеврах»,как жилые дома на Вайнемаянена 6, на Карельской 25, 29, 26, 28,и т.д., так мы еще и сегодня продолжаем уничтожать, садистски заставляя умирать памятники медленной смертью. Страшно... Если этот экскурс в прошлое покажется интересным для читателей, то мы продолжим свой рассказ о более поздних Генпланах и ПДП нашего города.

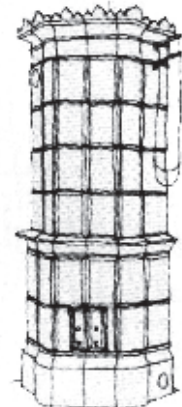
Архитектор-реставратор Кирьянова В.Т.

Строители светлого будущего (из газеты «Красное знамя» - нач. 50-х гг.

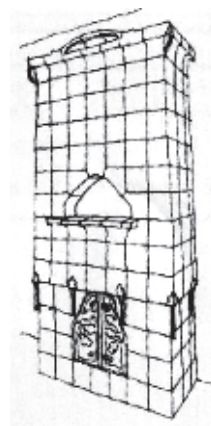

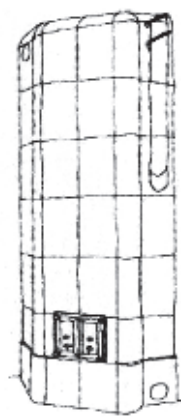
печь в стиле ампира

печь времён классицизма

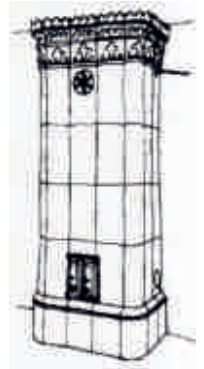
печь в югенд-стиле

печь времён функционализма

Кафельная печь

Речь пойдет в основном о печах, облицованных кафелем. Слово “кафель” происходит от немецкого «Kachel», что обозначает покрытие поверхности печи керамической плиткой. Оно переместилось в финское «kaakeli» и русское «кафель». Кафель - это обожженная белая или серая глина, гладкая или с орнаментом, белая или цветная, покрытая стеклянной глазурью, для более прочного соединения с необлицованными поверхностями внутренняя сторона плитки делалась шероховатой.

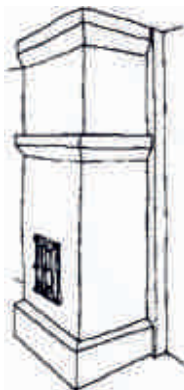
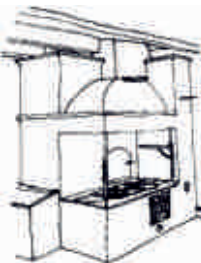
Самыми ранними печами, в регионе, были открытые каменки в «курных» избах, бани и ригах. Печь-камин – типичная печь в крестьянской избе, распространилась в Финляндии в 1600-е гг. Это соединение черной печи с камином, который был снабжен трубой.

В печи пекли, а на огне камина варили. Камин также был источником света.

Затем к старой печи в крестьянских домах стали добавлять плиту, сверху которой сначала лежала чугунная пластина с одной или двумя отверстиями. В городских домах плиту чаще ставили в кухню. Постепенно плита стала отдельным приспособлением для приготовления пищи. В состав плиты входили, кроме верхней пластины: топка с колосниками, духовка и луженый изнутри медный котел для подогрева воды.

В зале и в комнатах источником тепла был камин или, начиная с 1700-х гг., оштукатуренная вертикальная печь или кафельная печь. Кафельная печь пришла в северные страны из Германии в 1500-е гг. Когда в 1700-е гг. Швеции стал угрожать энергетический кризис, кафельная печь была усовершенствована, в ней была устроена система каналов, которая работала по принципу встречных воздушных потоков. В сельской местности и обычных городских домах использовались более дешевые и простые в изготовлении оштукатуренные или покрытые жстью печи. Печь, покрытая жстью, пришла из России.

Первые кафельные печи появились

в средние века в Центральной и Северной Европе. С 1200-х гг. встречаются уже повсеместно. В Финляндии письменное упоминание о кафельной печи в крепости Турку относится к 1543 году.

Старейший кафель представлял собой вазообразную глиняную посуду, встраиваемую по бокам камина для увеличения площади теплоотдачи.

С 1500-х гг. в Южной Германии на кафеле появился орнамент и глубокий рельеф, изображающий людей и животных. Поверхность делали черной или зеленой, иногда – коричневой. В 1600-1700 гг. рисунок становится более простым, а цвет поверхности белым на плоских поверхностях. Украшающие части кафеля окрашивали в синие, коричневые и другие цвета, а рисунок изображал природу, цветы или гербы. Более простой кафель имел зеленое или коричневое стеклопокрытие без рисунка.

Во времена барокко кафельные печи напоминали украшенные рисунками большие шкафы. В эпоху рококо печи были маленькие, гладкие; круглые или четырехугольные. Обычно они ставились на двух опорах с углублением в передней части, куда ставилась посуда с едой для подогрева. Печи в стиле ампира были крепкими, облицованными от пола на всю длину кладки.

Зачастую у печей нижнюю часть делали широкой четырехугольной, – она предназначалась для быстрой теплоотдачи при нагреве; и более узкую верхнюю круглую часть, служащую для аккумуляции тепла. Они назывались колонными печами. У них не было отдельных украшений. Сам силуэт такой, печи напоминал античную колонну.

Большая часть печей 2-ой половины 1800-х гг. все же была проще и, в основном, гладкой и большей частью облицовывалась белым кафелем. Увлечение античностью в 1870-80-х гг. сменилось на Германский ренессанс. С 1900-х годов входят в моду печи с большими топками, напоминающими английские камины. Стал применяться и французский способ красить кафель до нанесения глазури или рельефа, как и устраивать на передней панели печи полочки для статуэток.

Кафельные печи в Финляндии имели повсеместное применение с начала XIX века до 1930-х гг. А в богатых усадьбах кафельные печи имелись уже с 1600-х гг. После войн 1940-х гг. центральное отопление вытеснило печи почти полностью.

Кафельные печи были дорогими и их строили только в лучших комнатах дома, например в гостиной. В остальных комнатах, как правило, ставили простые стоячие круглые печи, облицованные листовой сталью, которая красилась. В кухне достаточно тепла давала кухонная плита.

В Финляндии имелись хорошие глины и было достаточно искусных мастеров обжига керамики. Изготавливаемые ими кафельные плитки имели очень точные размеры. В 1930-е годы действовали 3 завода с численностью рабочих в 100 человек. Один из заводов находился в 15 км от Выборга – в Роккала (основан в 1877 г.) Сейчас от него остались лишь развалины.

Если посмотреть сортавальские кафельные печи, то заметно, что стыки плиток подогнаны без швов. Эти работы выполнялись высококвалифицированными мастерами. Простому каменщику такую работу не доверяли. Большинство сортавальских печей изготовлены из заводских плиток, которые поставлялись готовыми сериями, куда входили гладкие плитки, угловые, закругленные и плитки с орнаментом. В магазинах были каталоги, по которым можно было выбрать облицовку всей печи, по размерам заказчика.

В Сортавала имеются кафельные печи, спроектированные известными архитекторами. Так, печи в доме Леандера проектировал Э. Сааринен. В здании Объединенного банка Северных стран (ныне почта), сохранилось несколько прекрасных печей, построенных по проекту У. Ульберга. Во многих других зданиях имеются печи его проекта.

В деревянных и каменных жилых домах 19 – нач. 20 вв. сохранились разнообразные кафельные печи, которые до сих пор служат своим хозяевам, что подтверждает хорошую репутацию финских мастеров.

Фомо: Бумаруи Рамол в Арестей Теронорол

Алкогальные хроники

Так получилось, что в редакцию поступили два материала схожей тематики из разных, независимых друг от друга источников. Нам показалось, что это «не случайная случайность», и мы решили объединить их вместе. Тема хронически актуальная, связана с нашим городом, его прошлым и настоящим...

XVII век

В Сортавальской волости употребление крепких спиртных напитков было известно ещё с 1600-х годов. К концу века оно заметно возросло. Переселенцы из России принесли технологию и технику самогонварения...

Вино и спиртосодержащие напитки здесь были известны, и продажа их в розлив и изготовление для домашнего потребления были разрешены законом с середины 1600-х годов, но более было развито употребление домашнего пива. Уже в то время отмечалось злоупотребление спиртным, и как следствие – драки, бесчинства, хулиганство. Наиболее часто выявляемыми и правонарушениями были преступления против нравственности и умертвления новорожденных. Власти обязаны были принимать жесткие меры против одиноких пьющих матерей, дабы удержать их от совершения подобных преступлений. Деревенские старосты обязаны были следить за нравственностью жителей, но она на почве пьянства не могла вырасти и преступления все равно совершались. Дошло до того, что во время церковных праздников продажа крепких спиртных напитков в розлив производилась прямо на церковной горе. Многие закупали домой впрок, приходя с крынками и канистрами. Постоялый двор в иные дни празднеств превращался в кабак. Под угрозой кандалов продажу спиртного вблизи церкви удалось запретить.

XIX век

Но «власть кабака» была сильнее, и уже со второй четверти XIX века правительство и органы правления не только не запрещали изготовления и распространения алкоголя, но и поощряли. Так, 17 декабря 1743 года в Сортавальской церкви было оглашено постановление правительства, разрешающее землевладельцам и имущим крестьянам свободно варить крепкие спиртные напитки. Данное право не распространялось на батраков и безземельных крестьян (в потреблении продукции было полное равноправие). Подобное

положение способствовало росту благосостояния производителей спиртного, ведь деньги, выплачиваемые батракам, при помощи «волшебной жидкости», возвращались обратно работодателю.

В короткий период, с 1789 по 1793 гг. данное право приостанавливалось (случилось сразу несколько неурожайных лет). Однако затем было восстановлено, и винокурам вернули ранее конфискованное у них оборудование.

Но даже в период запрета на производство алкоголя, местными чиновниками делались исключения для тех, «если кто немедленно и добровольно погасит все недоимки по налогу, может получить разрешение сената на винокурение, но если у кого недоимки возьмут силой – на разрешение рассчитывать не может». /11 p.octobris kuusa 1792./

XIX век

В 1799 году винную торговлю в Сортавала отдали в аренду на 4 года. Арендатор выплачивал в казну одну треть годовой расчетной прибыли. В 1811 году она составляла 1335 банковских рублей. Арендаторами были, в частности, жители Хелюльской пристани и Ляскельской лесопилки. 11 июня 1802 года Императорский Камеральный двор выдал секретарю Харттину официальный документ на право торговли алкоголем в дворовой деревне Раутакангас. Однако, в 1805 неурожайном году, можно было производить винокурение только для собственного потребления. Нарушители ограничений подвергались наказанию – 4 пары розог и конфискация аппаратуры.

В 1809 году Императорский Указ дает право производства и продажи алкоголя только владельцам дарственных поместий. А по Указу от 20 августа 1812 года, уже после объединения Старой и Новой Финляндии, наследственные (потомственные) крестьяне получают право на винокурение для собственного потребления.

Но за несколько десятилетий собственное употребление стало перерастать в повсеместное.

TEEMA. Kaupungin idea (tai *Vatjan suunnitelma*) Sivu 4

Monien vuosien kuluessa meidän valtiomme yhteiskunta-poliitisessa elämässä menestyksettä etsitään maallemme sopiva" kansallinen idea". Meistä tuntuu, että kauan sitten yksi Dostojevskin romaanien henkilöistä on jo löytänyt sen ja se tarkoittaa sitä ,että venäläinen henkilö on liian leveä ja häntä tarvitaan supistaa. Toinen sanoen, tehdä häntä kykeneväksi itsejärjestäytymiseen ja opettaa häntä järjestämään elämänsä jokapäiväisessä, voi olla , ikävässä työssä. Ja tehdä sitä ilmaan kovia epäilyksiä elämän tarkoituksista ja ilman ikuisiin kysymyksiin "kuka on syyllinen?" ja "mitä on tehtävä?"vastauksien etsintää. Paikoilla tämä kansallinen idea voi tulla konkreettiseksi ja meidän kaupunkimme nähden se voi tulla sellaiseksi : "Sortavalaisten ihmisten nykyaikainen sukupolvi asuu historiallisesti säilytetyssä ja kunnostetussa kaupungissa". Kaupunki on kunnostettava samalla tavalla kuten nykyään kunnostetaan meidän länsinaapureidemme pienet kaupungit, jotka sijaitsevat vain 70 km. meistä päässä. Tässä artikkelissa on Sortavalan Kaupungin Neuvoston ex-johtaja Valeri Albertovits Varjan Sortavalankaupungin arkkitehtuuri-historiallisen ulkonäön elvyttämisen tasavallaisen ohjelman" projekti, jonka kanssa hän on kääntynyt Karjalan johtajan S .Katanandovin puoleen. "Serdobol"-lehdelle annetussa haastattelussa Valeri Varja ilmaisee omia mielipiteitä ja elämyksiä rakkaan kaupungin kohtalosta.

HISTORIALLINEN HENKILÖ. Uno Verner Ulberg. Sivu 8

Sortavala nimitetään " Suomen pieneksi arkkitehtuuriensyklopediaksi". Täällä on monta kauniita rakennusta, jotka suomalaiset arkkitehdit rakensivat 1890-1930 vuosien aikana . Sortavalan kivirakennuksien välillä erityisesti erottautuu lahjakkaan arkkitehdin Uno Vernerin Ulbergin luonnoksien mukaan rakennettuja taloja. Arkkitehdit Uno Ulberg on syntynyt v. 1879 Viipurikaupungissa .V. 1903 hän on päättänyt Suomen teknillisen ammattikoulun. Muuttama kerta nuori arkkitehti Ulberg meni koulumatkoille Euroopan maihin ja Venäjälle arkkitehtuurityylien opiskelunneoksi, v.1906 U.Ulberg ja A.Gulden ovat perustaneet Viipuriin arkkitehtuuri-toimiston "Guiden ja Ulberg". V.1913 heidän luonnosehdotuksen mukaan oli rakennettu suomalaisen kansallisromantismin tyyliin (neoromantismin) suuren liikefirman "Hakman ja K"-n talo, joka on tuonut aloittavalle arkkitehdille laajan tunnettavuuden Suomessa. Myöhemmin U.Ulberg perusti oman arkkitehtuuri-toimiston ja oli sen johtajana koko hänen elämänsä ajan.

Vuodet 1913-1915 olivat hedelmällisiä arkkitehdin elämässä. Juuri siinä ajassa U.Ulbergin luonnoksen mukaan Sortavalaa rakennettiin kolme rakennusta : Pohjoismaisen Yhdyspankki. "Rauta"-yhtiön kauppatalo, jotka antoivat kaupungille erikoisen kaloriitin ja viehättävyyden. V. 1919 kahden pankin yhdistämisen tuloksena oli Pohjoismaisen Yhdyspankin perustaminen. Pankki on sijoittunut uuteen v.1913 suomalaisen romantismin tyyliin rakennettuun taloon. Julkisivun puolelta rakennus muistuttaa keskiaikaista linnaa kahden erkehen puolitomien ja harman graniitin käytön ansiosta. Korkea tiilikatto , puolitomit ja muut elementit antavat rakennukselle romantista mielialaa. Rakennuksen pääsisäänkäynti muistuttaa keskiaikaisten raatihuoneiden kaarigalleria. Sen sivuilla on kaksi suurta, serdobolin graniitista veistettyä pylvästä. Pylvään yllä on kartussi - omalaatuinen .käärön muotoinen elementti pankin monogrammin ja hedelmillä täytettyjen "runsauden sarvien" kanssa. Pankin sisätilat ovat osittain säilyttäneet alkuperäisen ulkonäön. Smaragdinvihreät ja valkoiset kaakeliuunit ovat erittäin kalliita. Kasviornamentti, plastilliset portaot, vinoneliönmuotoiset värilasi-ikkunat antavat erityistä romaantista mielialaa.

v. 1915 Sortavalaa U. Ulbergin luonnoksen mukaan rakennettiin " Rauta"-yhtiön kauppatalo (nyt siinä on liikepankki ja " Laatokka- lehden toimitus.) Rakennukseen sijoitettiin rauta- ja rakennusaine-kauppa, varastot ja 12 asuinhuoneistoa. Kauppatalo on rakennettu "monimutkaiseen" tyyliin - moderniin, jossa on 2 vastakohtaista suuntaa: neoromantismin ja neoklassismin. Kaksi sivu-erkeetä runsaine rakennuskoristeineen kertoo tekijän kiintymyksestä neoromantismin perinteisiin. Mutta kolmen ikkunan muodot ovat lainattuja klasillisesta arkkitehtuurista. Ornamentilla koristetut oven kuvio- frontoonit ovat merkittäviä. Niillä esitetään rakennuksen omistajien toimintaa hejastavat symbolit (vasara, kirves ja muut). Nyt seinät ovat rapattuja , mutta ne menettivät alkuperäisen viehättävyyden. Sisään tultuaan me näemme hyvin säilytetyt plastilliset portaot ja tietenkin kauniit kaakeliuunit.

Sortavalan kolmikulmaisen Väinämöisen aukion paikalle Uno Ulbergin luonnoksen mukaan maisteri K.Puolamäki on rakentanut vielä yhden erinomaisen rakennuksen, joihin on sijoittunut Suomen keskuspankin Sortavalan filiaali. Suomen Pankki on kaupungin merkittävimpiä rakennuksia, rakennettuja neoklassismin tyyliin vähäisine neoromantismin vivahtuksineen. Rakennuksessa tuntuu monumenttisuus, voimakkuus, kiven kolkkoisuus. Suomalainen neoklassismin muodostui XX-vuosisadan alun ruotsalaisen arkkitehtuurin ja Pietarin neoklassismin vaikutuksen alaisena. Silloin monet Pietarin pankkien rakennukset runsaasti koristeltiin luonnonkivillä. Kiven muokkauksessa käytettiin eri esitystavat. Suomen pankilla on paljon yhteistä Pietarin pankkirakennusten kanssa. Suomen Pankin pääjulkisivu on päällystetty haimalla serdobolin graniitilla, joka oli tuottu Riekkalansaaren Nukuttalahden louhospaikalta. Rakennus on koristeltu monenlaisilla koristuselementeillä: ikkunoiden ja oven yllähuolilla, ikkunoiden linnakivillä ihmeelliseen kasviornamenteineen. Ovelle vie graniitirapuja, joiden sivuille on asennettu suuret graniittipylväät pankkimerkkien kohokuvineen. Pankin sisäpääsyn yllä oleva sirokrunu on vielä hienokkaampaa työtä. Sisätilojen interiööri on mielenkiintoinen: kaksivärinen salli, jonka lattiat on peitetty värilautoilla, seinät-mahonkipaneelilla, katolla on mutkikas ornamentti. Joissakin huoneissa on säilynyt värillis- ja valkoisia uuneja. Täydellä oikeudella Suomen Pankin talo voidaan nimittää " kiven museoksi".Rakennettuaan Sortavalaa kaksi pankkia ja Kauppatalon .Ulberg muutti Viipuriin, jossa rakensi monet rakennukset. Viipurissa pidettiin v.1926 Pohjoismaiden arkkitehtien kokous jossa U.Ulbergin rakennukset saivat korkean arvion.

ASUKKAAT

Kaunokirjailija. Sivu 15

Raisa Mustonen - prosaisti, näytelmäkirjailija, elokuvakäsikirjailija,lehtinainen. Hän on Venäjän Kirjailijaliiton jäsen. Hän on syntynyt Karjalassa, Sortavalassa. Hän on päättänyt tKirjallisuuskorkeakoulun ja skenaristin ja regissöörien ylikurssit. Hän oli maalarina, ompelijana, linja-auton rahastajana, postinkuljettajana, stuertina, kirjastonhoitajana, lehden kirjeenvaihtajana, toimittajana. Hänen kirjat ilmestyivät Karjalassa ja Moskovassa sekä myös ulkomailla: Suomessa, Ruotsissa, Nojassa, Saksassa, USA:ssa. Yksi hänen kertomuksista on tullut parhaimpien novellien kokoelmaan, jotka radioitiin Ruotsissa , jossa Venäjän kirjailijoita edustivat vain hän ja P.Tsekov. Näytelmät asetettiin Petroskoissa, Arkhangelissa, Tukholmassa.

"Rikkotujen katulyhtyjen kadut populaarielokuva varten.) Hän asuu nyt Petroskoissa. Tässä Almanakan numerossa julkaistaan hänen kertomuksen "sastje"(kään.: onni) toisinto.

Restauroija. Sivu 22

Meidän Sortavalankaupungissamme asuu monta ujoa, mutta samalla melko mielenkiintoista ihmistä. Me menemme joka päivä heidän ohi tuntematta heissä meidän sankareita. Lehtemme on päättänyt korjata tämän tilanteen ja laajentaa Teidän tuttavapiiriä. Arvoisa lukija, saammeko esitellä: Juri Sulovits Toikka, ihminen, joka elvyttää menneisyyden ihanaa perintöä, hän on restauroija.Hänen nimi ei ole niin laajalti tunnettu, kuin arkkitehtitoimiston mestariteoksien luojien nimiä. Silti muistomerkkien säilyttäminen ja uudestaan rakentaminen on se työ. joka vaatii ei vähäistä mestaruutta, teitoja ja työtömmuksia.

v. 1964 kohtalo on tuonut tämän henkilön meidän seudullemme. Täällä hän palveli armeijassa, on päättänyt Petroskoin Valtionyliopiston, pitkään aikaan oli työssä PMK-117-laitoksessa. Ja vaikeiden 90-vuosien(luvun?) alussa hän ryhtyi tekemään restauroimistyötä silloin vielä valtiollisessa laitoksessa " Restauroija" Se on juuri hänen päätöksensä mukaan palautettiin nykyisten Vesihuoltolaitoksen, Metsähallinnon, Gastronomikauppan, niin sanotun pentagonin rakennuksen entiset ulkonäöt, restauroitiin nykyisen Hallinnon rakennuksen katto. Työssä Juri Sulovits pitää ohjeen arkkitehtitoimiston teoksen tekijöiden vanhoja piirustuksia, jotka hän on löytänyt Suomessa. Meidän naapurimme yli sataa vuotta hellävaroin säilyttivät niitä arvokkaita asiapapereita. Toikan restauroijan tiimissä teki työtä noin 30 ihmistä. Se on juuri näiden ihmisten ansiosta meidän kaupungissa tunnetaan " kauniin menneisyyden" jälkikauti, joita me yllpeästi esitämme tuleville vieraille. XX-vuosisadan lopussa restauroijan ammatti Sortavalassa on tullut tarpeelliseksi. Juri Sulovits lähti työskentelemään Valamolle, missä hänen taidemahdollisuuksien käyttö oli rajaton. Seuraavana oli Kizinpogosta, missä mestarinkädet käytetään sellaisten puurakennustaidon Mestarteoksien kuin

Sepkinin, Berjozkinin ja Vasiljevin talojen restauroinnissa. Sen jälkeen kuljeskelut jatkuivat Belomorskin alueelle, missä tarvittiin pikaisesti pelastaa Pyhien Pietarin ja Paavelin kirkko (XVI-luku). Ja sitten Moskovan Kremlissä Andreevskihallin restaurointi. Seuraavana oli Karhumäen vieressä oleva rukoushuone. Ja niin koko elämää, hänen ainoan intohimonsa järkkymätöntään entisyyteen teillä. Tänään Juri Sulovits on palannut Sortavalaan. Mutta hänen entinen innostus ei ollenkaan ehtynyt.

Luhistuvia rakennuksia, murentuvia kivejä murhemielellä katsoessa Mestari ei halua "istua kädet ristissä" ja olla välinpitämättömyyteen meidän historiaamme. Eipä turhaan sanotaan, että on pakko pitää kunnia puunjuuret jotta puu kasvaa terveenä ja kovaana. Jur ja hänen ystävänsä ja kollegansa Venäjän ansioitunut kulttuurin toimihenkilö Nikolai Popov ovat ääittäneet tällä kesällä kunnostaa Hallobladien hautakammion heidän omalla kustannuksella. Historiallinen tieto: "Kaupungimme historia on tiivistä sidottu ihmisten kohtaloihin. Elisabet ja Herman Hallobla vaikuttivat merkittävästi Sortavalan yhteiskunnalliselämään Valtioneuvos Herman Halloblad ja Elisabet, rikkaan kaupiaan Siitoisen tytär kuuluivat varakkaan luokkaan. Sivistyneinä ja toimintarmoisina ihmisinä he v. 1860 ovat perustaneet kansakoulun Heidän rahoillaan v.1880 Sortavalaan oli rakennettu Suomessa toinen Opettajien seminaria, jossa kouluttaminen oli suomen kielellä ja v. 1882 rakennettiin ja lahjoitettiin kyläyhteisölle kansakoulu, v. 1881 Eero Mäkinen heidän entisellä kartanolla on järjestänyt Soittovälineiden tehdas. Mesenaatit Hallobladit antoreaalista valistuksessa, ortodoksien uskonnoissa ja taloudessa. Kaupunki sai lahjaksi taidearvot ja heidän talossa perinnön mukaan avattiin museo ja kirjasto. Hallobladien sukunimien hautakammio on ainutlaatuinen muistopatsas ja arvokas muisto ansiokkaista kansalaisista. Perhehautakammio sijaitsee suomalaisella hautamaalla (kaupungin ajatessa Helylän puolelta) Ajatelen että kukaan meistä jopa kuoleman jälkeen ei haluaisi olla jätettuna tämänkaltaiseen. Koska jopa nuo kivet jotka vaikeröivät vaiteliaasti unohtuksiin kantavat sielun musiikkia. On aikaa heittää kivejä aika kerätä niita

Aleksandra Demjohina. Sivu24

Aleksandra Mikhailovna Demjohina on syntynyt Vjatkan seudulla, Krasava kylässä v. 1924. Hän viesti rintamanuoruutta pohjoisessa, Kemissä ja Belomorskissa ja sodanjälkeistä elämän vuosia Sortavalassa, hänen toisessa kotipaikkassa. Vilkas, iästä ja kohtaloniskuista huolimatta , onki kädessä talvella ja kesällä Läppjärven rannalla - se on hän! Sellainen hän on elämässä ja sellainen runoissakin. Runot ovat "Krasava"-runokokoelmasta, joka on ilmestynyt Sortavalassa v.2005

Mustela putorius (hilleri). Sivu 27

Karjalan asukkaille hillerit ovat hyvin tuttuja. Pienet sympaattiset petoeläimet ovat kanojen omistajien hirmu, hanhien pesien hävittäjä ja kaniinien murhaajat. Mutta jo kauan koko maailmassa on olemassa tämän näätäeläinten heimon rinnakkainen haara -hyvät ja lempeät ystävät. Onko se mahdollista? Tietenkin, koska hilleri kehittyneen älyn ansiosta opittelee hyvin ja muuttaman sukupolven kuluttua se tulee ihan kotieläimeksi. Se "ei haise", "ei pure" ja se "ei ole rotanäköinen". Jos haluatte -tutustukaa hilleriin.

YMPÄRISTÖ. Sivu 32 Tässä artikkelissa kerrotaan **Ruskealan** marmorilouhoksen historiasta, jota XVII -XVIII -luvun asiaperit hejastivat. Louhospaikan tietojen lähteinä ovat tulleet v. 1768 Katariinan II:n antama asetus, v. 1500Votjanmaanluettelointikirja,v.v. 1718ja 1730 Ruotsin kartaja muut asiaperit.

Artikkelissa kerrotaan Ruskealan louhoksen kehitysvaiheista ja marmorin käytön paikoista.

ARKISTO. «MUISTOJATULEVAISUUDESTA» Sivu 39

Näin oli nimittetty tieteidokumentaaliokua,joka oli aika suositut Neuvostoliitossa 1970-luvulla. Siinä käsiteltiin hypoteeseja avaruusalentojen sekaantumisesta Maan asukkaiden asioihin,jonka esimerkkeinä ovat vanhat rakennukset - Pasha saaren jättiläiset, Egyptin pyramidit ja muut. Huomattavat menneisyyden projektit ja niiden toteuttamisen salaisuudet hämmästyttivät katsojia.

Samalla tavalla hämmästyttää Sortavalan vuoden 1951 Pääprojekti. Oliko todella mahdollista toteuttaa sen ja olisiko kaupunki voinut tulla "Stalinin emp/retyyliin"mestarietoksi esimerkiksi karjalais-suomalaisine kansallisine ominaisuuksineen? Matkustaja olisi voinut nähdä satua Karjalan metsässä ja Laatokan rannikolla: kivirantakatuja, purjefregattia, loisteliasta Neuvostotaloa ja parantoloinen hallintotaloa. Todella "Auringon kaupunki" pohjoisessa! Matkustaja olisi voinut tavata varmasti monta iloista kaupungin asukasta täällä. Kaikki oli otettu huomioon onnelliselle elämälle: olutpanimo, kaupungin sauna ja pesula, jopa oma sähkömylly! Mutta haave ei toteutunut. Miksi ihmiset eivät saaneet sellaista elämää? Ei ole vastausta...

Kuva 1. Vuoden 1951 Salaprojektin etusivu. *Kuva 2.* Karjalan kadun fragmentti.

"Karjalan katu pääkatuna yhdistää keskustaa muiden kaupungin osien kanssa. Kijalan kadun ja rautatien risteyksessä suunniteltiin tie kaupungin kulkuneuvoille. Leninin kadun alle suunniteltiin rakentaa tunneli jalankulkijoille, joka yhdistää keskustan puiston ja stadionin

OBJEKTI. KAAKELIUUNI Sivu 45

Kerromme kaakeliuunista, kaakeleilla päällystetystä uunista. Sana kaakeli on peräisin Saksan sanasta *Kachel*, joka tarkoittaa uunia keraamislaatoilla peittämistä. Kaakeli on poltettua valkoista tai harmaata savea, se voi olla sileä tai ornamentin kanssa, valkoinen tai värikäs, värillisellä lasituksella päällystetty laatta. Laattojen sisäsiivu on karheapintainen - näin on helpompi kiinnittää sen. Varhaisimpia uuneja oli alueella kiuasuuni tuvassa tai saunassa. Takkauuni oli tyyppillinen talonpoikien tuvassa ja tuli yleiseksi Suomessa 1600- luvulla. "Musta" uuni on yhdistetty takan kanssa, jolla on piippua. Uunissa leivottiin, takkauunissa keitettiin. Takkauuni oli myös valon lähteenä. Myöhemmin uunista tuli rautauuni, se oli ensin raakarautaalevyineen, jossa oli yksi tai kaksi aukkoa. Kaupungin taloissa uuni oli keittiössä. Vähitellen rautauunia alettiin käyttää vain ruoan keittämisessä. Huoneissa takkauuni tai 1700-luvulta alkaen rapattu pystykaakeliuuni tuli lämmön lähteeksi.Kaakeliuuni tuli Pohjoismaihin Saksasta 1500-luvulla. Kun Ruotsissa alkoi energian kriisi 1700- luvulla, kaakeliuunin rakenne oli parannettu. Kylissä ja tavallisissa kaupungin taloissa käytettiin halvemmat ja yksinkertaisemmat pellillä peitetyt uunit - niitä tuli Venäjältä. Ensimmäisiä kaakeliuuneja ilmestyi keskiaikana Keskus-ja Pohjois-Euroopassa. 1200- luvulta alkaen niitä on kaikkialla. Suomessa kaakeliuuni ensimmäisen kerran oli kirjallisesti mainittu Turussa v. 1543. Vanhimmat kaakelit olivat maljakkomaisia saviastioita, ne sijoitettiin takkauunin sivuille uunin säteiympäristön suurentamiseksi. Etelä-Saksassa 1500-luvulla kaakelilaatoille alettiin maalata kaakelilla ihmisten ja eläimien kuvia. Laatta oli musta, vihreä, joskus ruskea. 1600-ja 1700-luvuilla kaakeli oli valkoinen ja pinta oli sileä, kuvat olivat yksinkertaisempia - ne olivat luonnon, kukkien ja vaakunan kuvia. Oli myös lasitettuja vihreitä ja ruskeita kaakelilaattoja ilman koristelua. Barokin aikana kaakeliuunit muistuttivat suuria kaappeja kuvilla koristettuja. Rokokoo-tyylin aikana ne olivat pieniä ja sileitä, pyöreitä tai nelikulmaisia. Niiden etuosassa usein oli syvennös - siihen voi asettaa ruokaa lämpimään. Ampiiri-tyyliset kaakeliuunit olivat jyrkeviä. Usein uunin nelikulmainen alaosa oli leveämpi - tällä tavalla uuni antaa nopeammin lämpöä, uunin pyöreä yläosa on kapeampi - näin uuni säästää lämpöä. Tällainen uuni oli nimeltään *kolonninani*, koska se muistutti antiikiajan pylväitä. Suurempi osa uuneista oli 1800-luvun loppupuolella yksinkertaisempi, uunit olivat sileitä, valkoisilla kaakelilaatoilla peitettyjä. 1900-luvulla muodissa olivat uunit suurien tulipesien kanssa, jotka muistuttavat englantilaisia takkauuneja. Ranskalaiseen tapaan alettiin laittaa pieniä hyllyjä pikkutavaroille kaakeliuunin etureunalle. Kaakeliuuni oli yleisesti käytössä Suomessa 1800-luvulta 1930-lukuun saakka. Rikkaissa taloissa kaakeliuuneja oli jo 1600-luvulla. 1940-luvulla sodan jälkeen keskuslämmitys tuli uunien paikoille. Suomessa oli paljon hyvää savea ja hyviä keramiikan maistereita. 1930-luvulla oli 3 kaakelitehdästä, työläistä oli yli 100. Yksi niistä oli 15 km Viipurista - Rokkolan kylässä (perustettu v.1877). Nyt siinä jäi vain raunioita. Sortavalassa löytyy uuneja, jotka suunnitelti tunnetuimpia arkkitehteja. Esimerkiksi Leanderin talossa E. Saarinen suunnitteli uunit. Yhdyspankin talossa (nyt se on postin rakennus) on säilynyt kauniita uuneja, jotka suunnitteli U. Ulberg. Hänen suunnittelemiä uuneja löytyy muissakin rakennuksissa. Puu- ja kivitaloissa 1800- ja 1900- luvuilta peräisin on säilynyt kaakeliuuneja, jotka edelleenkin palvelevat ihmisiä, mikä todistaa suomalaisten maistereiden hyvää mainetta.

KAIKENLAISTA. Sivu48 "Alkoholikertomukset"artikkelissa historiallisesti kerrotaan Sortavalassa alkoholin tuotannosta ja viinan juomisesta 17-19 vuosisatojen aikana.Ja myös kaupungissa9 -vuosisadan lopussa ensimmäisen "Selviytymisyhteisön ” perustamisesta. Kerrotaan myös 20 vuosisadan puolivälissä "Nimetömiä Alkoholistien ” yhteisön syntymisestä ja sen jatkaavasta toiminnasta 20-luvun lopussa Karjalan alueella. Julkaistaan artikkeli tämän vuoden 7. kesäkuuta Sortavalan kautta Nimetömiä Alkoholistien ” Pohjoinen hevosenkenkä"-autorallista.